

ЗВЕЗДНЫЙ
ДЕСАНТ

АТАКА БОЛО

УИЛЬЯМ КЕЙТ

Боло

Уильям Кейт

Атака Боло

2001

Кейт У.

Атака Боло / У. Кейт — 2001 — (Боло)

Трофеи достаются победителю. А этот победитель знает, как их добыть. Боло Марк ХХХІІІ 4-го полка Второй бригады первого мобильного армейского корпуса сил Конфедерации в авангарде атаки Боло на планету Церн носит имя Виктор. Враг – Этрикс. Этрикша – неизвестные, странные существа, поработившие население, обещая не что иное, как бессмертие. Полковник Джон Страйкер готов вести Виктора и других Боло своего полка в сложнейшую из операций – вторжение на планету. Но день высадки заканчивается трагедией, а Церн оказывается смертоносной ловушкой. Полковник Страйкер и его штаб выброшены на поверхность планеты и пытаются выжить в адском пламени современной войны. Против его Боло сражаются вражеские гибриды Боло с человеком. И в этом столкновении откроются неожиданные истины, под сомнением окажется даже лояльность бригады «Динохром». Что если Этрикша не поработители, а истинные боги, которые способны выполнить свои обещания вечной жизни? «Динохром» выяснит это.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	40
ИНТЕРЛЮДИЯ 1	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Уильям Кейт Атака Боло

Пролог

ЮС S-83 938 253, Рука Персея, Колумбийский сектор.

Саллос А, В – двойная звезда, класс – обе F9, радиус – 1,07 и 1,14 солнечного, яркость – 1,9 солнечной

Оценка времени жизни в данном классе: $3,5 \times 10^9$ лет

Планетная система: семь крупных планет-Планета V. Дис.

Средний радиус орбиты – 4,85 а. е.

Период = 10,004 года

Эксцентриситет орбиты = 0,0312

Апастрон = 5,00132 а. е., периастрон = 4,69868 а. е.

Экваториальный диаметр = 198 673 км

Плотность = 1,034 г/см³

Поверхностная гравитация = 2,92G

Осевой наклон = 2,03

Период обращения = 9 ч. 12 мин. 27,112 сек.

Магнитное поле = 6,4 гаусс

Атмосфера: H₂ 84,3%; He 16,3%; CH₄ 0,15%; NH₃ 250‰;

C₂H₆ 15‰; H₂O 2‰; HCN 0,08‰; C₂H₂ 0,034‰; CO 0,003‰;

GeH₄ 0,0004‰

Спутники: 25 с диаметром более 100 км, 3 с диаметром более 5000 км...

Спутник Саллос Vf Церн

Большая полуось орбиты = 1 002 354 км

Период обращения = 4 дня 8 ч. 46 мин. 6,87 сек.

Эксцентриситет орбиты = 0,00004...

Экваториальный диаметр = 8368 км

Плотность = 6,228 г/см³

Поверхностная гравитация = 0,74G

Масса = $1,91232 \times 10^{27}$ г

Осевой наклон = 0,04

Приливные сутки = 4 дня 8 ч. 46 мин. 6,87 сек.

Магнитное поле = 1,21 гаусс

Площадь поверхности = 219 985 074,4 км²

Температурный режим поверхности: 12% падающей тепловой энергии исходит от планеты Дис.

Температура: от – 30° С на противоположной Дису стороне до +50° С под Дисом

Обитаемый пояс расположен между гемисферными областями вечного льда и пустынь

Атмосфера. Среднее давление на поверхности 0,8 бар, состав:

N₂ 77,08%; O₂ 21,04%; Ar 1,02%; H₂ от 0,05 до 1,5%, среднее значение 1%; CO₂ 350‰;

Ne 12,2‰; He – 6,34‰; CH₄ 1,9‰; K₂ "l, 98‰; CO 1,3‰; SO₂ 3,4‰; H₂ 0,4‰; N₂O 0,33‰;

O₃ (0,05-1,9)‰; Xe 0,09‰; NO₂ 0,03‰

Примечание. *Обитаемый спутник газового гиганта Диса Церн колонизован землянами в конце периода Конкордата. Военные склады и центры связи в Паймосе и Грендилфене при-*

давали планете небольшое стратегическое значение, но система была слишком удалена от главных областей конфликта.

В прямые боевые действия не вовлекалась. Отрезанный от человеческого пространства во время последней фазы Мелконского Армагеддона и последующей Эры Тьмы, Церн вошел в периферию ранее неизвестного Этрикского Пространства. Возобновление контактов с Церном в 375 году привело к напряженности в отношениях между Конфедерацией и Этриксом...

Дневники астронавигатора.

Техническое Издательство Конфедерации.

37-й выпуск, 378 год

* * *

Шесть кораблей Военно-Космического Флота Конфедерации, причудливо раскрашенные черными, серыми и синими пятнами и полосами, сбрасывали скорость, приближаясь к Дису. Системы наведения, приведенные в боевую готовность, прошупывали ближний космос. Впереди виднелся освещенный с обратной стороны газовый гигант, украшенный ожерельем своих лун. Саллос А и В, два местных солнца, пылали издали жарким белым светом, напоминая искры сварки.

Около десяти тысяч человек персонала космического флота Конфедерации заняли боевые посты на кораблях-носителях «Эсан» и «Гелиас», флагманском крейсере «Галахедрон» и трех эсминцах, составлявших боевую оперативную группу. Они ожидали реакции Этрикса на прибытие такой представительной группы. Мало что было известно об этой иносистемной цивилизации. Можно было ожидать, что реакция окажется... иносистемной. Осмысленной ксенософонтологической информации о чужаках фактически не имелось, сообщения от торговых агентов и скаутов Икс-Корпуса были, как правило, маловразумительны. Главной задачей оперативной группы и было оценить ситуацию и определить судьбу нескольких сотен миллионов человек, живших на Церне.

Официально характер операции определялся как «дипломатическая миссия». В другие времена и в ином месте это назвали бы демонстрацией силы или даже «дипломатией канонерок». Кольцо Этрикса бросило вызов Сенату Конфедерации. Миллионы человеческих существ на Церне томились в рабстве, и адмирал Челлини, командовавшая оперативной группой, собиралась расставить все точки над «и».

По меньшей мере Этрикс будет вынужден начать переговоры...

Но тут начались неожиданности.

Темнота космоса внезапно расцвела ослепительными вспышками. Обтекаемые тела смертоносных космических истребителей пронесли сквозь группу Конфедерации, осыпая корабли ракетами, зарядами «Хеллборов» и сверхскоростными кинетическими снарядами. Термоядерный взрыв поглотил «Гелиас», мгновенно испарив его корму и отправив то, что оставалось, кувыркком во тьму. «Хеллборы» искромсали мостик и главные башни эсминца «Калавас», и корабль рассыпался искрами, каплями жидкого металла и пучками жесткого излучения.

С «Галахедрона» посыпались команды. Открыв заградительный огонь против атакующих, уцелевшие начали ускорение. Продолжать замедление, чтобы лечь на обратный курс, было бы равносильно самоубийству. Поэтому они решили продолжать курс и, миновав Церн и обогнав противника, ускользнуть в относительную безопасность гиперпространства.

Новый залп высокоскоростных кинетических снарядов вызвал вспышку трепещущего света вокруг военных кораблей группы Конфедерации, плавя и срывая броню, дробя корпус эсминца «Тубек». Носитель «Эсан» вздрогнул от близкого, раздавшегося всего в нескольких километрах взрыва десятка боеголовок, его экраны отказали. Второй залп пронизал его боевые

модули потоком жесткого гамма-излучения. На борту уже никого не было в живых, когда еще через минуту гигантское космическое судно вспыхнуло, как крошечная новая звезда.

Выжившие после первой атаки корабли спешили выйти из местной гравитационной скважины, перейти на гиперскорость и исчезнуть. Но Дис был слишком близко, влияние его не позволяло им уйти раньше чем через час.

Вторая волна перехватчиков накатилась с четырех кораблей-носителей врага, расположенных низко над Церном. Это были тупоносые корабли, управляемые роботами или пилотами-камикадзе, что было понятно по их стремительному ускорению. «Галахедрон» успел дойти до околопланетного водородного слоя внешней атмосферы Диска – и тут его настиг ракетный залп.

Образовавшийся на месте флагманского крейсера термоядерный ураган смел внешнюю защиту, вывел из строя системы оружия и вторичные приводы «Курбала», но капитан смог стабилизировать его падение и использовать мощное притяжение Диска, для того чтобы ускользнуть от преследования. Очень скоро истребители отстали. Через девяносто восемь минут после появления противника «Курбал» перешел на гиперскорость – это был единственный уцелевший и сохранивший экипаж корабль оперативно-тактической группы ОТГ-74.

Адмирал Челлини была родственницей президента Сената, в котором возвращение обожженного «Курбала» на Эндимион вызвало бури, напоминавшие по накалу страстей бойню у Церна.

Глава 1

Ввод...

Кто-то где-то принял решение, цепи задействованы, я прихожу в сознание, статус «Готовность три». Время – 2712,78 часа по Стандартной Шкале Времени Конфедерации, день 410, год 381, около 515,92724 часа с момента моего отключения перед погрузкой на борт транспортного средства.

Иницирую проверку состояния. Все первичные и вторичные, основные и вспомогательные источники питания функционируют нормально. Системы атаки и защиты полностью работоспособны, пребывают в режиме ожидания. Могу поддерживать связь по всем каналам как с членами моей группы, так и с личным составом ударной силы вторжения.

В визуальных сенсорах не нуждаюсь, они отключены, поскольку я нахожусь в герметическом десантном контейнере (тип 7) в грузовом отсеке, но я чувствую жизнь корабля и своих товарищей по батальону, постепенно приходящих в сознание.

Меняюсь информацией с Боло Марк XXXIII порядковый номер 837987, «Отважный», с другими единицами 4-го полка Второй бригады Первого Мобильного Армейского Корпуса Конфедерации. Чувствую потерю скорости и пощелкивание привода транспортного корабля, маневрирующего па подходе к планете. Прогнозирую начало развертывания в течение ближайших 3 часов.

Нуждаюсь лишь в инструктаже по месту высадки и боевых заданиях.

* * *

Полковник Джон Джард Страйкер вошел в герметизированный переход над главным грузовым отсеком и остановился, глядя вниз сквозь наклонный иллюминатор. Рядом с ним задержалась майор Карла Рамирес, его помощник.

– Какого вы мнения относительно их боеготовности, майор? – поинтересовался Страйкер.

– Весьма высокого. Но лучше бы у нас были более полные и надежные разведданные. Независимо от того, что утверждает этот Моби Дик, я не чувствую твердой почвы под ногами.

– Аккуратнее высказывайтесь, – предупредил полковник, глядя в сторону группы техников. В его крови пел эйф. Он только что дожевывал таблетку и ощущал эмоциональный подъем, прилив силы и полную сосредоточенность.

Она пожала плечами:

– Но этот тип явно ненормальный.

– Он командующий, маршал десанта, и отвечает за всю чертову заварушку, отвечает за свои действия. И я не хотел бы, чтобы вы подрывали его авторитет, майор.

– Есть, сэр, – без убежденности в голосе послушно отозвалась Рамирес. – Но даже если бы маршалом десанта был сам бог войны, я бы не чувствовала себя слишком уверенно.

– У нас технологическое преимущество. Ничего подобного Марк XXXIII у Трикси нет.

– У них есть планета, Джон, – напомнила она. – Планета – это очень много даже для укомплектованного корпуса планетной осады. Против нас все население планеты, как Этрикша, так и местные люди. Они владеют Боло-технологией, хотя мы и не знаем, насколько высокого уровня. Их история – сплошная цепь военных действий. Они запросто могут преподнести нам «подарочек».

– Согласен, согласен. – Он помедлил, пытаясь выразить словами то, что ощущал. – Но... ты только посмотри на них!

Он указал на проступавшие внизу черные массы. Большая часть громадного грузового отсека была погружена в темноту. Сюда могло вместиться почти любое планетарное сооружение. Прожекторы выхватывали из темноты паутину кабелей и переплетения конструкций, парящих и снующих по своим делам рабочих-роботов, тоже мигавших яркими огнями. Отсек не был герметизирован. Слишком много времени понадобилось бы для разгерметизации такого огромного пространства, да и мало какой его груз нуждался в атмосфере.

Десантные контейнеры располагались в отсеке в шахматном порядке с промежутками, обеспечивающими свободный доступ роботам службы обеспечения.

Один Марк XXXIII весил 32 тысячи тонн, олько же, сколько иной космический корабль, в длину достигал 120 метров, в ширину – 38 метров высотой был 25 метров от подошвы гусениц до верхней палубы, над которой возвышались три приземистые мощные башни с главным оружием. Лишь один такой монстр мог разместиться в десантном контейнере типа 7, двухсотметровом обтекаемом спереди челноке, к которому сзади прилипал трилистник тягово-маневровых двигателей. На гладких обширных плоскостях и изгибах контейнера, одетого в черный керамопласт, кое-где выступали обтекатели с различными сенсорами, осветителями, антеннами.

Марк XXXIII был первым серийным Боло, оснащенным достаточно мощным генератором антигравитации, чтобы самостоятельно высадиться на планету. Флот Конфедерации оставался, однако, консервативным в своих привычках, восходящих к славным временам Конкордата и полумифической Земли, и, не мудрствуя лукаво, полагался на традиционные вспомогательные средства доставки и десантирования.

У проверенных временем десантных контейнеров с изменяемой геометрией несущих плоскостей были свои неоспоримые преимущества, и Флот хотел их полностью использовать.

Двадцать четыре контейнера покоились во чреве десантного транспортного судна «Наследие». И в том же направлении следовала целая вереница таких же астролетов класса «Шехува».

– Они, конечно, впечатляют, – после секундного колебания сказала майор Рамирес. – И план тоже хорош. Если ни на миг не забывать о том, кто нам противостоит. – Она, прищурившись, посмотрела на своего шефа: – Джон, с тобой все в порядке?

Он потер лоб, пытаясь утихомирить переполнявшую его энергию. В порядке? Да ему ошеломляюще хорошо!

Но Карла ничего не знала об эйфе и не поняла бы его, если бы узнала.

– Отлично! У меня все отлично. – Он проверил время по импланту. – Пошли, майор. Время предпосадочного инструктажа.

Они повернулись и бок о бок пошли по проходу, оставляя громадные черные стручки контейнеров и их груз в освещенном прожекторами грузовом отсеке.

Генерал-майор Веслен Рикард Моберли вовсе не был дураком. Он прекрасно представлял сложность поставленной перед ним задачи, владел навыками военного штабного руководства и боевого командования, сознавал важность разделения ответственности, распределения функций. Как командующий специальной армейской группой Конфедерации, он получил специально для этого случая изобретенный титул маршала десанта. На него была возложена тяжелейшая задача организации и проведения вторжения из космоса. Он организовал себе в помощь группу тактиков, техников и военных теоретиков, которую обозначал в своих меморандумах и приказах как «Т в кубе».

Лишь с помощью этой группы, контакт с которой поддерживался через бортовую сеть ВР, надеялся он владеть ситуацией, когда начнут разворачиваться события, то есть всего через несколько часов.

Сидя в командном кресле в глубине запутанных коридоров центра боевого управления на борту флагмана «Деневер», он видел под собой трехмерные дисплеи и генераторы таблиц

группы боевого планирования. Прикоснувшись к кнопкам подлокотника, он мог оказаться там, среди огней и символов, поступавших в его сознание через шлем ВР.

Пока что задействованы были только трехмерные дисплеи тактической ситуации, показывавшие строй группы на подходе к цели, расстояние до которой уменьшилось до пяти астрономических единиц. Сопротивления местные силы, к его удовольствию, почти не оказывали, реакция оказалась намного слабее, чем предсказывали самые оптимистические сценарии моделирования. Возможно, эти чертовы Трикси и верные им людские кадры застигнуты врасплох. Последовали, правда, атаки перехватчиков на фланги группы, но все они были отражены на самой периферии эсминцами внешнего ограждения. Пресловутые носители Этрикса, очень заботившие штабные умы генерала Моберли, так и не появились. Должно быть, подействовала диверсия на Дрелано. Да!..

Не был генерал Моберли дураком, но терпеливым он тоже не был. Открыв 12-й канал связи своего шлема, он увидел грубые черты лица полковника Гаррити, своего офицера связи при Флоте.

– Надо увеличить скорость, – сказал ей генерал. – Передайте адмиралу Хатавею, что мне нужна скорость. Через три часа я хочу пройти пикеты и начать вход на орбиту сближения.

Ее светло-зеленые глаза встретили взгляд генерала через интерфейс ВР. Она нетерпеливым жестом отбросила темно-рыжий завиток, упавший на глаза:

– Я скажу ему, генерал, но из-за этого может возникнуть торг. Мы упираемся в барьер Е-масса-це¹, и он ноет, как бы поскорее начать замедление, выйдя из сверхсветовой.

– Напомните нашему милейшему адмиралу, кто отвечает за операцию, полковник. Может быть, мне надо пообщаться с ним лично?

– Думаю, справлюсь, генерал.

– Займитесь. Сейчас мне нужно провести пред-десантный инструктаж. Возникнут проблемы – сразу же сообщайте.

– Есть, сэр.

Он погасил экран, и лицо Гаррити исчезло. От Хатавея можно было ожидать сопротивления. Он принадлежал к типу консервативного и несколько упрямого флотского офицера с недостатком воображения и энтузиазма. Барьер Е-масса-це всегда был камнем преткновения. Чем ближе к «це», скорости света, подходит корабль в нормальном пространстве, тем большей относительной массой он обладает, тем больше энергии на килограмм массы покоя требуется на его ускорение или замедление. Хатавей сэкономил ограниченные энергоресурсы на случай, если понадобится выполнить какой-либо энергоемкий маневр.

Но если носители и другие тяжелые единицы флота Этрикса отсутствуют, то надобность в боевых маневрах отпадает, а от Диса, внутреннего газового гиганта системы, можно будет заправиться по достижении полного превосходства в космосе. Что теперь произойдет уже очень скоро.

– Преддесантный инструктаж, – сладкозвучно напомнил приятный голос.

– Отлично, – ответил генерал искусственному интеллекту. – Подключайте меня. Пора начинать парад.

ЛКН 8737938 было его имя по официальным документам, но друзья и знакомые звали его просто Элкен. Он проснулся, захотел потянуться... и тут ощутил страх, окутывающий его волнами, как ледяной прибой на Пляже Богов. Последнее, что он мог вспомнить... нет... Что же было последним? Память подводила его, воспоминания ускользали, как обломки сна.

Он открыл глаза и удивился, ничего не увидев. Вытянув вперед дрожащую потную руку, он понял, что ничего не ощущает, что дрожь, пот, холод – продукты его воображения, попытки его разума зацепиться за что-то в безудержном полете сквозь пустую необъятную тьму.

¹ Разговорное обозначение формулы $E=mc^2$. (Прим. переводчика.)

Сосредоточившись, он обратился к памяти, глубже, глубже... Операция? Да, соматическая хирургия. Его бог пообещал ему новое тело, новую, бесконечную жизнь без боли, без болезней, без страха. Пообещал бессмертие и вечную юность.

Что-то не получилось?

Все получилось, услышал он в глубинах своего загнанного ужасом сознания тихий и глубокий голос. Все происходит как задумано. (Спокойная уверенность.)

– Я ничего не вижу, – выкрикнул он во тьму. Ты не ослеп. Твои оптические процессоры еще не подключены. (Спокойная уверенность.)

Голос его бога! В конце концов, он не одинок. Прекрати свои мысленные метания, продолжал голос внутри. (Растущая озабоченность.) Не повреди свое новое тело. Новое тело!

– Значит... операция удалась? Я бессмертен?

Бог не спешил отвечать. Элкен попытался вызвать его образ, обращаясь к памяти как к защите от страха. Он смог вспомнить лишь глаза бога, глубокие, золотистые и пронзительно прекрасные. В последний раз. он видел их... когда же это было?

Что не получилось?

Все получилось, снова уверенно и спокойно заверил его голос. Ты избран, ЛКН 8737938, избран для величия на службе Церну.

Элкен заставил себя успокоиться. Если бог говорит, что все хорошо, значит, все хорошо, никаких сомнений быть не может.

Но все же эта тьма вокруг!

И что тут вокруг, во имя Двенадцати Черных Адов Шриваша?

– Что означает «избран»? – спросил Элкен после мгновения жутковатого молчания.

Церн в опасности, ответил голос бога. (Озабоченность, скрытая под маской уверенности.) Падшие демоны Дальнего Зла угрожают нашему миру вторжением. Ты избран помочь планете отразить натиск орд демонов.

– Вы... вы обещали мне новое тело, которое...

У тебя теперь новое тело. Сейчас настраиваются переходы нервных путей и балансируется сила сигнала.

– Вы сказали, что я никогда не умру. Никаких болезней. Бессмертие.

Это скоро произойдет. (Спокойная уверенность.) Но прежде ты должен присоединиться к защитникам Церна и отразить нашествие демонов. И ты достигнешь того, к чему стремишься. Если ты одолеешь врага, новое бессмертное тело ожидает тебя.

– А... если мы не победим?

Тогда Церн и Собрание Богов перестанут существовать. (Печаль, скорбь по тому, что может произойти.) Бессмертия больше не будет, потому что не станет богов. Мировые заветы исчезнут. И ты, ЛКН 8737938, прекратишь свое существование.

Ужас снова вспыхнул в сознании Элкана.

–, Боги не могут умереть! Это невозможно!

Боги не умрут, потому что их защитят слуги, среди которых и ты. (Уверенность.) Вот твое новое тело, ЛКН 8737938.

Свет забрезжил перед Элкеном, и свет этот обрел очертания и формы. Он находился в бронированной пещере с дюралевыми стенами, пересеченной мостками и стрелами кранов. Элкен заметил громадные приземистые формы, угловатые, на гусеницах, с выпирающими башнями, – военные машины, причудливо раскрашенные черно-серой рябью.

Он видел такие машины раньше, хотя и не проявлял к ним особого интереса. Они хранились на Церне со времен Конкордата, и боги взяли их под свою опеку, насколько он помнил по обрывкам полученной разными путями в разное время информации.

Но наибольший интерес он испытывал к самому себе. Он видел перед собою людей, казавшихся очень маленькими. Они сустились где-то на полу. Он даже ощущал присутствие нескольких богов. Где?

Переводя взгляд, он услышал высокий свист масс-конвертера. Этот свист мощного источника энергии исходил от него самого. Его ощущение пространства изменилось, и он понял, не желая верить...

Во имя живущих богов Церна! Что со мною случилось? Он был замурован в скале, нет, в горе металла, его сознание влито в сердце машины – слишком громадной, чтобы охватить ее взглядом, понять. (Ужасным было осознание правды. Он был какой-то гусеничной машиной, вроде тех, что сгрудились вокруг. Когда он попытался пошевелить головой, башня на верхней палубе резко повернулась вправо.

Машина, в которой ты находишься, названа создателями Боло Марк XXXII, объяснил его бог. (Терпение.) Большая часть твоей центральной нервной системы, включая головной мозг, вмонтирована в центр управления Боло. Фактически Боло – это твое тело.

– Я... я – это чудовище!

Ты – мощная, эффективная, мыслящая боевая единица, существенный элемент обороны нашего мира. Ты обладаешь значительным лидерским потенциалом. Ты привыкнешь к своему телу. Ты обязательно привыкнешь к своему телу. Твоя сильная сторона как человека – высокая приспособляемость.

– Но я больше не человек!

(Озадаченность.) Вне всяких сомнений, ты человек. Внешнее обличье имеет лишь второстепенное значение для твоей сути. (Терпение и бодрая уверенность.) Не надо отчаиваться. Это превращение необходимо для сохранения нашего мира и... всего того, что ты бы назвал мировоззрением и в какой-то степени образом жизни.

Ужас ослабил хватку, начальный шок прошел. Боги сами принимали разные обличья. Можно было восхищаться их способностью создавать тела, оболочки для своего рья, своей жизненной силы и сути. Обличья богов, отвечавших за смертных вроде Элкана, отличались от обличья тех, кто управлял городами, выращивал морские урожаи или путешествовал в межзвездном пространстве.

Бог следил за его мыслями. Да, верно. (Одобрение.) Ты понял суть, ЛКН 8737938. Эта трансформация – лишь первый шаг на пути к полной независимости от формы, к свободе, которую ты обретешь, когда станешь одним из бессмертных богов.

– Я... я недостоин такой чести, господин.

Если бог говорит, что ты достоин, значит, ты достоин. И скоро ты это докажешь, защищая Мир Богов от вторжения демонов.

– Д-да...

Так или иначе, это была плата. Он защищал их мир и получал божественность. Хотел бы он, чтобы кто-то предупредил его обо всем заранее.

Каким-то образом он смог подключиться к наружным сенсорам и осмотреть свой громадный серо-черный корпус, грозного вида дюралевую массу со множеством смертоносного вооружения, застывшую на феррокрестовом полу пещеры. На корпусе виднелись продолговатые шрамы, похожие на борозды, у выхлопных труб налипли отложения, кое-где он заметил следы ржавчины. У машины было боевое прошлое.

– Вот что меня беспокоит, – сменил тему Эл-кен. – Я ведь монах. Монах, изучавший Дийджикр, Путь Богов. Я не имею представления о войне. Никогда ни с кем и ни с чем не воевал. Никогда не дрался с демоном. Я... я даже не был уверен, что Небесные Демоны действительно существуют.

(Веселое недоумение.) Значит, ты полагаешь, что истории – плод воображения? Сплошь мифология?

– Такая мысль приходила мне в голову. Ведь мы в Братстве служим живым богам, а истории о громадных империях, простирающихся в ночном небе, о других мирах, вращающихся вокруг огоньков, которые мы называем звездами... они звучат фантастически. Многие из нас думают, что Истории – своего рода метафора, которую надо воспринимать аллегорически.

Истории точны, или настолько точны, насколько достоверны их записи, с учетом прошедших тысячелетий и изменения общественного устройства с течением времени.

– Я никогда не пользовался никаким оружием. – Он мысленно ощупывал свое новое тело. – Я не имею представления, как со всем... вот с этим управляться.

В течение следующих нескольких периодов ты усвоишь много новой информации, сказал его бог. Эта информация поможет тебе освоиться с новым телом и научиться эффективно управлять им, когда придет время сражаться. Тебе нужно только добросовестно выполнять все то, что я и другие боги тебе поручат.

– Я... Я постараюсь.

И ты преуспеешь в этом. (Полная уверенность.) Так предопределено, и боги провозгласили это.

Элкен очень хотел бы ощутить хоть часть той уверенности и целеустремленности, которые лучились от бога.

У него появилось ощущение, что заработать бессмертие – задача не из простых.

Тами Морриган стояла на скалистом пляже. В последний раз ее волосы ерошил холодный ветер. Боги, как ей этого будет не хватать!

Еще через шесть часов рассветет полностью. Над восточным горизонтом уже появились золотистые и серебристо-голубые пятна. С северной стороны в небе полыхали полярные сияния, бесшумно, двигались невесомые красные и изумрудные занавесы.

На востоке, конечно, висит Дис во славе своих колец. Гигант, занимающий в небе до двенадцати градусов, уже почти взошел. На бледно-зеленых и розовых поясах облаков резко выделяются тени его колец. В свете Диска городской купол Гендая вздымается над собственным отражением в притихшей воде бухты. На юге освещенные Дисом облака стремятся ввысь, закрывая те немногие звезды, которые достаточно яркие, чтобы пробиться сквозь светлую черную ночь.

«Шторм собирается», – подумала она и усмехнулась своей мысли.

– Мама! Пора!

Она обернулась на зов дочери. Марта, тоненькая и гибкая, с длинными волосами, играющими на ветру, махала рукой с вершины дюны.

– Иду! – откликнулась Тами. Уходить не хотелось.

Морриган прибыла на Церн с первыми свободными людьми пять лет назад. Ее муж Питир был помощником управляющего при главном торговом агенте Дэймонской Межзвездной Корпорации. Энергичный, способный, он стремился продвинуться. Теперь он сам стал полноправным торговым агентом, все еще целеустремленный, но не такой рьяный.

Именно так. Не такой рьяный в отношении комиссионных процентов и сумм. В жизни были вещи и поважнее. Церн – отличный мир, прекрасное место для жизни.

Ей хотелось оттянуть неизбежное, хотя она сама активно помогала ускорить ход событий.

Бросив последний тоскливый взгляд на темно-изумрудную гладь Моря Штормов, она отвернулась и поспешила по утоптанной тропе, по которой недавно спустилась сюда с дюн. На раскинувшейся за дюнами равнине, у самого ало-золотого леса, на фоне кровавых деревьев и лиственных грибов, стоял крохотный межзвездный аппарат компании, серебрясь в свете Диска и выдыхая облака пара из вентиляторов. Плоский, гладкий, отражающий свет неба, этот аппарат был их билетом в безопасность. Приближался шторм.

«Мужчины и их игрушки», – подумала она с горечью... и упрекнула себя. В ДМ-Корпорации работало столько же женщин, сколько мужчин. И это маленькое межзвездное судно – их единственное средство спасения от надвигающегося ужаса.

Черт, как хотелось бы, чтобы не надо было куда-то убежать!

Большинство людей уже на борту. Муж и дочь ожидали ее у открытого люка вместе со старшим агентом Редмондом и его слугой. Прибывали последние сотрудники местного отделения, они вылезали из своих флаеров с детьми и пожитками и направлялись к кораблю.

– Прощу внутрь, госпожа Морриган, – пригласил Редмонд с покровительственным смешком, который она терпеть не могла. – Не дадим себя застать врасплох.

Редмонд не был ей вполне понятен. Действительно ли он так страстно желал освобождения местного населения, как это следовало из его речей на протяжении последних месяцев? Или же он взвешивал гипотетические прибыли, которые получит ДМК, когда освобожденное от Трикси население превратится в благодарных и благодатных клиентов-потребителей?

Непрозрачен был Сим Редмонд, трудно было о нем судить. Она взглянула на Виджея, флегматичного, невозмутимого слугу Редмонда. Он был из местных, Редмонд выкупил его на свободу у одного из богов в Гендае два года назад. Что он думал обо всех событиях последних дней?

Но по непроницаемому выражению лица слуги вообще ни о чем нельзя было догадаться.

Еще один флаер из города приземлился в сотне метров. Исход продолжался. Астролет корпорации прилетел сюда еще ночью. Сомнительно было, что Трикси дадут разрешение покинуть этот мир, и Редмонд решил не рисковать.

Но сюда направлялись Боло. Следовало убраться с планеты к моменту, когда обрушится удар.

Глаз Тами уловил движение, вспышку света на стекле или металле.

– Питир! – Она указала в направлении города. – Что это там?

– Эх-х, – поморщился Питир Морриган. – Ничего хорошего.

Это был год флаер, «боголет», – большой, крутокрылый, похожий на осу, сияющий желтым и черным. Он приближался на малой высоте, пролетел над спешащими к судну семьями сотрудников и завис над группой стоявших у трапа.

– Прощу всех покинуть корабль, – раздался голос из металлической глотки флаера.

– Сейчас я все улажу, – сказал Редмонд, поморщившись, и полез в карман. – Поднимайтесь на борт.

– Нет, сэр. – Голос Виджея был спокоен и неумолимо неспешен, как всегда.

– Питир! – крикнула Тами. – Он вооружен! Слуга Редмонда отступил и поднял перед собой небольшой металлически блеснувший предмет.

– Боги не хотят, чтобы вы улетели. Отойдите, пожалуйста, от люка.

– Виджей, в чем дело? – возмутился Редмонд. – Немедленно убери эту штуку!

– Нет, сэр. Пожалуйста, уберите руку из кармана. Хорошо. Всем держать руки так, чтобы я их мог видеть. Госпожа Морриган, – он обратился к Марте, и Тами почувствовала укол страха, – скажите, пожалуйста, чтобы все покинули судно.

– Папа!

– Сделай, как он сказал, солнышко.

– Черт возьми, Виджей! – вскипел Редмонд. – Мы же пытаемся вам помочь, тебе и твоему народу!

– Мы не просили о помощи, господин Редмонд. Боги на нашей стороне, все они с нами.

Из города прилетел еще один годфлаер, и еще один. Один из вновь прибывших присоединился к уже висевшему над местом действия, другой приземлился рядом. Из него появились поджарые вооруженные фигуры, покрытые чешуей, с торчащими иммобилизаторами. Их человекообразные головы на длинных гибких змеиных шеях вызвали у Тами приступ дурноты.

Были среди них и человеческие роевые сомы: громоздкие, грубые мужские особи с толстой кожей, растущими из лба кривыми рогами и большими глазами, которые видели в темноте.

– Это невозможно! – закричал Редмонд. – Мы нужны вам! Без нашей помощи вам не освободиться от этих монстров!

– Наоборот, – возразил Виджей. – Это вам нужна наша помощь, хотя бы для того, чтобы остаться в живых. Пожалуйста, выполняйте то, что вам велят бога, иначе мы не отвечаем за вашу невредимость.

– Да пошли вы все к черту! – завопил Редмонд, хватаясь за спрятанное за пазухой оружие. В его сторону тут же направились иммобилиза-торы...

Глава 2

На борту направляющегося к Церну корабля «Наследие» полковник Страйкер и майор Рамирес устроились в откидных сиденьях конференцзала. Техники проверили настройку интерфейсов их шлемов. С ними в зале находилось лишь еще несколько офицеров корабля, но, когда техник ВР прикоснулся к панели управления, конференцзал исчез, и они оказались на стадионе, заполненном тысячами офицеров Конфедерации.

Тела их оставались в конференцзале на борту «Наследия», но мысленно, при помощи шлемов виртуальной реальности и взаимодействующих с ними мозговых имплантов, они оказались под громадным зеленым транспласовым куполом в тысячах световых лет от звездной системы Саллоса. В центре стадиона восседал обильно разукрашенный ленточками наград и весьма воинственный генерал-майор Веслен Рикард Моберли. Внушительность генерала подчеркивалась тем, что образ его подавался в сильно увеличенном виде.

– Наши враги, – гулко разнесся голос генерала по виртуальному театру, – боги. – Генерал выждал, пока в публике затихнет волна смешков и перешептываний, вызванная его заявлением, и продолжил: – По крайней мере, разведка сообщает, что Этрикша считают себя таковыми.

Ксенопсихологическая служба считает, что их эволюция базируется на мировоззрении, ставящем их над всеми мирами, возвышающем их как господ всего сущего. Это может быть религиозным внушением – вспомним, например, человеческие религии, рассматривающие своих последователей как избранных, господ творения. Более вероятно, корни этой позиции – биологические.

Возможно, их предки научились выводить животных с заданными признаками, и отсюда возникла философия, рассматривающая остальные существа как инструменты, используемые для обеспечения комфорта и безопасности хозяев. Точнее мы просто не знаем. Но мы знаем, что их биологическая наука позволяет производить тела, или сомы, как своего вида, так и других. Вот наиболее знакомая нам форма-Изображение Моберли погасло, вместо него в центре стадиона повисло в воздухе странное существо, одновременно шокирующее и притягивающее какой-то жутковатой красотой.

Центавроид, двурукий и четвероногий, обладал грациозным ладным телом, смахивая на леопарда или другую хищную кошку. Темная, цвета черного дерева, шерсть спрыснута серебром. Голова непривычной формы, угловатая, лицо почти человеческое, с большими выразительными глазами золотистого цвета с абсолютно черными несколько продолговатыми зрачками.

Существо выглядело весьма сильным, мускулистым, быстрым, но в то же время казалось добродушным. Когда его выразительные глаза мигнули, Страйкеру показалось, что за ними скрывается мощный разум.

– Разведка называет этот тип «дипломатом», – продолжал пояснения Моберли, а изображение существа медленно вращалось, предоставляя зрителям возможность более подробного ознакомления. – Возможно, он был создан специально для общения с людьми.

Черно-серебристое существо исчезло и сменилось другим, тоже центавроидом, но с телом, толстая шкура которого была защищена костяной пластинчатой броней: существо напоминало ходячий танк, покрытый пестрым оливково-коричнево-черным узором. Голова его была кошмаром из древней мифологии: драконова на змеиной шее, с гребнем из острых треугольных пластин, с глазами, запрятанными в защитные костяные шишки.

Примечательно, что «дипломат» в Страйкере сразу же вызвал симпатию, а этот внушал инстинктивный ужас. Страйкер удивился, что один лишь внешний облик смог вызвать такую сильную эмоциональную реакцию.

– Это одна из нескольких боевых форм, – сказал Моберли. – Воин, тип один. А это...

Еще один центавр повис в воздухе. Форма тела в основном повторялась, но торс выступал не вверх, а вперед и заканчивался кошмарным многоглазием со щупальцами и влажно блестящими ротовыми отверстиями.

– Разведывательные данные указывают на этот тип как на протосому Этрикша. Мы думаем – мы думаем, – что все остальные виды произошли от этого.

– Генерал, – послышался вопрос из аудитории, – можно ли полагать, что все эти три формы – Трикси?

– Мы не вхожи в биологические лаборатории Трикси, но наши ксенобиологи предполагают, что геном Этрикша весьма пластичен. Возьмем собак с их диапазоном размеров и форм. И все они, от пискуна величиной с ладонь до северной ездовой, представляют вид *Canis Familiaris*. Наши источники сообщают, что Этрикша не придают такого значения телу, внешнему облику, как мы. Они генетически перекраивают себя в зависимости от общественных потребностей. Они могут также формировать свой разум, мысли и память и в состоянии полностью перегрузить его в компьютер или в органический мозг специально выращенного существа. Предположительно это и является основанием для притязаний Трикси на божественность. Они не умирают. Они, по существу, бессмертны. Когда их тела стареют, они занимают другие. Так, во всяком случае, принято считать. У нас есть свидетельства, что Этрикс использует для своих биоинженерных опытов разумные существа. Это одна из причин, по которым Конфедерация объявила Этриксу войну.

Протосома Этрикша растаяла, на ее месте появился человек... во всяком случае гуманоид. Его широкое грубое лицо выглядело вполне человеческим. Это был обнаженный мужчина, но без половых признаков и без единого волоска, если не считать ресниц. Как и у воина первого типа, его толстую кожу, почти шкуру, покрывала роговая броня, повторявшая очертания мышц. Из висков выступали искривленные рога, придававшие существу злобный вид, как и клыки, торчавшие из массивных челюстей.

– Воин, тип два, – продолжал Моберли. – Мы его называли троллем. Похоже, продукт генной инженерии на человеческом материале.

Страйкер услышал шум изумления и возмущения.

– Видимо, где бы Этрикс ни встречал признаки жизни, он везде экспериментировал с генным набором любого обнаруженного вида. Мы не знаем в деталях, как они это делают, но их цель очевидна. Изменяя генный банк любого мира, они приспособливают его население к своим потребностям, делают его послушным, смирным, таким, какое им требуется. Это повышает их боевые возможности. Церн когда-то был одним из периферийных миров Конкордата в Руке Персея и находился вдали от проторенных торговых путей и военных округов.

Образ тролля сменился шаром газового гиганта, окруженного спутниками. Один из них вышел на первый план, вырос, обнаружив сквозь облака цвета жизни – зеленый, оливковый, коричневато-золотистый – и синее сияние воды.

– Церн – один из крупных спутников Диса, пятой планеты Саллоса. Находится вне традиционной зоны обитания, но Дис обеспечивает достаточные приливные напряжения для поддержания воды в жидком состоянии. По последней переписи, на Церне обитало триста миллионов людского населения.

Об Этриксе мы знаем очень мало. Известно, что Этрикша – звездоплаватели, но ничего – о размере их империи, если она есть. Мы ничего не знаем об их общественной структуре. Контакт с ними у Джолхема и Дрелаю и здесь, у Саллоса, – это все: первые два контакта лишь по радио. Разведка полагает, что они медленно расширяют зону своих владений по Руке Персея, задерживаясь лишь там, где находят полезный материал: похожие на них организации, работа с которыми приносит требуемые результаты. Видимо, здесь люди впервые столкнулись с ними лицом к лицу.

Страйкер ощущал растущий гнев... или страх? Чужой вид с развитой технологией, с приоритетами в области биологии, вместо традиционных для людей физики, химии, математики. Их арсенал может включать и мощное биологическое оружие. Завоевание новых миров включает переделку – в буквальном смысле! – обитателей этих миров в соответствии с потребностями новых хозяев.

Джон Джард Страйкер был военным, происходил из семьи военных, но корни его мировоззрения восходили к Аристотелю, к псевдорелигиозной доктрине эстетического эвдемонизма, подчеркивающего право каждой личности на полную реализацию своего потенциала, на творческий порыв, на неповторимость. Наибольшее благо для наибольшего круга.

Сама идея перекраивания населения целого мира во имя целей внешнего разума казалась ему дикой и неприемлемой.

В то же время он не удивлялся, что население Церна относится к пришельцам как к богам. Стремление поклоняться высшим силам может генетически усиливаться или даже прививаться.

Моберли продолжал инструктаж:

– Торговцы Конфедерации вновь вышли на Церн пять стандартных лет тому назад.

Положение людского населения стало очевидным лишь после того, как были основаны несколько торговых поселений по берегам Моря Штормов.

Речь Моберли сопровождали текстовые и графические пояснения. На медленно вращавшемся глобусе появлялись названия морей, городов и континентов. Как это часто случается со спутниками таких гигантов, Церн был приливно зафиксирован относительно Диса, всегда обращен одной стороной к нему, другой – наружу, к звездам. Гигант Дис вследствие гравитационного сжатия генерировал достаточно термоизлучения, чтобы обращенная к нему сторона превратилась в безжизненную пустыню; противоположная сторона представляла собой ледник. Между этими территориями пролегал пояс замкнутых морей, охватывающий планету вокруг от полюса до полюса. Рельеф изобиловал дикими горами, каньонами и реками, действующими вулканами.

Большинство городов были заложены и развились еще в эпоху Конкордата по берегам морей, в плодородном поясе между тундрой и пустыней.

Планетографические данные проходили перед глазами Страйкера, холодные цифры и факты, не способные описать такое сложное явление, как живой мир. Меньше Земли, с поверхностным притяжением лишь 0,75G и меньшим атмосферным давлением, 0,8 бара, Церн обегал Дис за четверо суток и восемь часов, совершая за это время один оборот вокруг своей оси.

Два солнца медленно ползли по небу Церна в течение очень долгого дня. При таком количестве тепла, достигающего Церну от звезд и от Диса, бури и грозы были частыми и сильными, хотя медленное вращение и малые размеры морей устраняли возможность штормов, вызываемых Кориолисовым ускорением.

Местные бури, однако, случались часто и внезапно и протекали яростно, двигались быстро, сопровождались ливнями, смерчами и градом размером с кирпич. Толстые озоновые слои и магнитное поле интенсивностью около 1,2 гаусса защищали поверхность от излучений Диса. По ночам небо полыхало полярными сияниями.

Страйкер подумал, что Церн, должно быть, очень красивый мир.

Но мир этот изобилует неожиданностями и опасностями, не говоря уже о том, чем могут встретить нежеланных гостей Трикси.

Голографическая луна вращалась, а Моберли рассказывал, что произошло после прибытия купцов на Церн:

– Запросы представителей Конфедерации на инспекцию условий жизни людского населения игнорировались или отвергались. Те местные жители, с которыми был установлен контакт, явно подвергнуты интеллектуальному и эмоциональному воздействию: они искренне убеж-

дены, что Трикси – разного рода боги. Требования предоставления людскому населению Церна гражданских прав игнорировались. Прямой контакт с населением не допускался. Трения возросли после того, как Кольцо Этрикса, как называет себя их правительство, отвергло Доктрину Персея. Вы все ее получили. В основном доктрина обеспечивает права людей в сфере влияния Конфедерации, и гарантом этих прав выступает Флот.

Образы изменились, вместо глобуса Церна Страйкер увидел громадные суда Конфедерации с их причудливой раскраской на фоне Диса и его спутников.

– Так как Церн лежит внутри границ сферы влияния Конфедерации, Сенат решил провести военную акцию. Два месяца назад боевые носители «Эсан» и «Гелиас», флагманский крейсер «Галахедрон» и три эсминца направились к Церну для демонстрации силы, чтобы убедить Этрикс признать доктрину. Все вы знаете, что произошло.

Бесшумные вспышки света озадачили эскадру, перед зрителями ожили моменты уничтожения ОТГ-74, взрывы «Гелиаса» и «Эсана», двух эсминцев и «Галахедрона».

– «Курбал», уходя, засек четыре носителя на орбите Церна. – Когда Моберли сказал это, вражеские корабли подсветились красными мигающими пятнами.

– Мы не знаем, прикреплены ли эти корабли к Церну постоянно. Третий флот провел операцию на известной базе Трикси на Дрелано, в десяти парсеках отсюда, чтобы отвлечь местные силы с Церна, – как кажется, успешно.

Передовые силы Флота уже достигли Церна и нанесли предварительные удары с низкой орбиты. Они сообщают, что силы врага в космосе отсутствуют, следовательно, мы сможем полностью его контролировать. Полностью господствуя в космосе, мы сможем безотлагательно провести высадку десанта, не ожидая неприятных сюрпризов от врага. Следуем плану Бриллиантовая Молния. Информация о зоне высадки и целеуказание ударной силе Боло заданы. Таким образом, дамы и господа, мы приступаем к нашей миссии милосердия и спасения. Сотни миллионов наших братьев и сестер на Дерне поработаны, и мы окажем им помощь. Мы Докажем этим чертовым Трикси, что они не боги.

Виртуальная аудитория вокруг Страйкера взорвалась энтузиазмом. Полковник переглянулся с Рамирес, выгнувшей бровь совершенной формы, и пожал плечами:

– Не у всех присутствующих есть боевой опыт. Они не знают... – Он замылся.

– Они еще узнают, – утешила Рамирес. – Мы все узнаем.

Конечно, они узнают. Страйкер разделял сомнения майора Рамирес относительно предстоящей операции. Слишком быстро и со слишком горячим энтузиазмом, всего через два месяца после разгрома ОТГ-74. Взвесил ли кто-нибудь там, наверху, реальный риск?

– Всему персоналу занять боевые посты. – Генерал повысил голос, стараясь перекрыть шум энтузиазма. – Вход в атмосферу через девяносто три минуты.

В течение уже 81 минуты я постоянно получаю информацию от искусственного интеллекта корабля. Силы вторжения подошли к Дису. Крейсеры, эсминцы и суда артиллерийской поддержки начали бомбардировку планеты, корабли приступили к маневру снижения для выхода на направление десантирования. До настоящего момента нет никакой информации о боевых кораблях-носителях врага, не встречено серьезного сопротивления. По моей оценке, начальная фаза боевого плана выполнена успешнее, чем обычно случается в операциях такого масштаба. Согласно моим подсчетам с вероятностью более 82 процентов, мы сможем создать плацдарм на планете при потерях менее 5 процентов.

Мой полковой командир не столь оптимистичен в своих оценках. По внутреннему каналу связи он советует мне «держаться ушки на макушке». Анатомические детали потребовали целых 0,0031 секунды для определения смысла фразы по фразеологическому словарю. Полковник Страйкер имеет в виду, что враг может быть подготовлен лучше, чем кажется, и, возможно, располагает скрытыми резервами, которые могут повлиять на развитие операции.

– Наилучшая возможность сорвать вторжение, – ответил я ему, – представляется во время приближения к цели. Когда тяжелые единицы будут развернуты на поверхности планеты, враг не сможет эффективно помешать нашему продвижению.

Я не упоминал очевидного: что Боло Марк XXXIII получил название «планетной осадной единицы» из-за того, что каждый отдельно взятый Боло по огневой мощи, как правило, превосходит гарнизоны большинства планет. Наша первая волна десанта включает полностью Первую, Вторую и Третью бригады, и еще три бригады остаются в резерве на орбите. Предстоит то, что древние стратеги называли «сокрушительный удар», вражеское сопротивление будет подавлено при минимуме потерь и сопутствующего ущерба мирному населению и инфраструктуре планеты.

Верховное Командование надеется, что успеха можно будет достичь через 30 часов после высадки и местное население, освобожденное от рабства, сможет как можно скорее взять на себя управление своим миром.

– Пятьсот лет назад здесь, на Церне, была крупная военная база, – проинформировал меня полковник Страйкер.

Вследствие небольшой скорости человеческой речи я записываю слова полковника, продолжая 7 диагностических программ и откладывая обработку ответа до момента окончания фразы.

– Многое, конечно, устарело, – продолжает полковник. – Но ты в курсе, что на Церне есть Боло?

Эти данные у меня, конечно, имеются. Штаб Двенадцатого военного округа располагался на Церне. Здесь же находились военно-космическая база, командный пункт и склад резерва Боло.

Отвечаю полковнику:

– Согласно моим данным, девяносто три Боло оставлены на планете на различных резервных базах. Сорок один усовершенствованный Марк XXXII, остальные – более старые модели, от Марк XXVII до Марк XXIX. Неизвестно, сколько из них работоспособных.

– Точно. Неизвестно. Вам придется выяснять это в бою.

– Боло Марк XXXIII намного превосходит все ранние модели, – отвечаю я ему. Я знаю, что люди-психотехники все еще спорят, есть ли у нас эмоции вроде гордости и самодовольства. Им бы лучше спросить у самих Боло. Я горжусь своими возможностями. – Устаревшие боевые единицы не представляют угрозы, – уверяю я полковника.

– Сильно сказано. – В голосе полковника слышно удивление.

– Я просто констатирую факт. Я полностью владею характеристиками прежних марок. Если Этрикша на Церне не перепрограммировали Боло, они не смогут даже атаковать. Мы просто выключим их системы управления.

– Хочу надеяться, что все окажется именно так просто.

Я понимаю. Полковой командир хочет предостеречь меня от самонадеянности.

Но самонадеянность не является частью психотронного профиля Боло Марк XXXIII.

* * *

Страйкер поднялся с мягкого кресла в центре управления Боло. Как обычно, его окружали призраки.

Мир всегда чего-то стоит. Его приходится покупать. Сначала кровью, лишениями и страданием. Затем, когда мир становится образом жизни, платишь неподготовленностью к неизбежности. Приходит кто-то больше и сильнее тебя и навязывает тебе свой вариант мира. Конфедерация долго пребывала в состоянии мира и, по мнению Страйкера, не была готова к войне. Даже к такой мелкой и легкой кампании, как на Церне. В отличие от коллег у Страйкера был

слишком большой военный опыт. Он видел слона, как говорила древняя и не вполне понятная военная поговорка, и ему не понравилось то, что он видел.

Доза эйфа свое действие закончила, радость и уверенность исчезли. Он инстинктивно потянулся к нагрудному карману, схватившись за него прежде, чем вспомнил, что оставил пакетик с маленькими ярко-синими таблетками в каюте. Он старался ограничивать себя, но в эти дни его потребность в эйфе возросла.

– Полковник, на борту лейтенант Тайлер, – сообщил Боло спокойным, почти задумчивым баритоном. – Она идет в центр управления по проходу один.

– Хорошо. Спасибо, «Вик».

Пригнувшись, чтобы не стукнуться о нижний край кругового голографического экрана, полковник шагнул к люку. На мониторе он увидел хрупкую фигуру лейтенанта Тайлер.

Боло полностью самостоятельны, не требуют присутствия человека на борту, начиная с Марк XV, то есть примерно с конца XXIV века. И все же консерватизм и подсознательный страх, что Боло выскользнет из-под контроля создателей и хозяев, заставляют встраивать в эту гору дюралоя крохотный отсек с голографическим экраном и сиденьем.

Он оперся рукой о рифленую переборку центра управления и почувствовал ослабленное слоями металла и пластика биение сердца Боло. Сердца живой горы.

Или бога войны.

Страйкер частенько заходил в центр управления, иногда – чтобы побеседовать с Боло, иногда – чтобы уединиться и поразмышлять. Начиная он около двадцати пяти лет назад очень юным «самым младшим» лейтенантом в команде обслуживания Боло в своем отдаленном мире на Аристотеле, на окраинах Конфедерации. Там он пребывал вдали от жесткого мира приказных отношений и начальственных придинок. После ужасов Керелианского вторжения он был связным при 4-м отряде Звездной Гвардии Боло. Затем переведен на Асетру, где командовал ротой из двух древних Марк XXVII.

Он дослужился до полковника, командира шести Марк XXXIII. И где бы он ни был, в любом из миров у него иногда возникала потребность уединиться, найти убежище в металлических стенах.

Причиной было то, что Страйкер пережил слишком много безумия, которое люди называют войной. Он был тяжело ранен, хотя на теле его не было шрамов, руки и ноги исправно функционировали и кожа не была обезображена ожогами. Слезы проели его душу. Он пережил агонию потери всей семьи, всего своего мира... Боже, нужен еще один эйф.

Он уже двадцать лет разжевывал эти крохотные синие таблетки, со времен Аристотеля. Милосердный врач прописал их, когда еще не было ясно, останутся ли беженцы из выжженного мира в живых.

Эйф на Аристотеле был популярен задолго до Керелианского вторжения. Страйкер, как и почти каждый обитатель Тысячи Миров Конфедерации, жил с церебральным имплантом, вживленным в мозг в качестве основного микросимбиотического элемента системы, распространявшейся молекула за молекулой по всему организму и помогавшей взаимодействовать с искусственным интеллектом и с другими людьми.

Эйфориная представляла собой искусственно полученное вещество, энзим – катализатор реакции между молекулами сахара крови и медно-гафниевыми нейронными рецепторами импланта. При пережевывании таблетки молекулы ее вещества проникали в кровь через капилляры подъязычной области и почти сразу же поступали к рецепторам импланта головного мозга. В течение примерно часа и после этого сахар расщеплялся, выделяя в небольшом количестве свободные электроны.

В результате заряд просачивался прямо в имплант и поступал в ключевые области памяти и ощущений в головном мозгу. Ощущение было очень приятное. Больше того, притуплялись и отодвигались на задний план неприятные, горькие воспоминания. И никакого отрицательного

воздействия на функционирование мозга. Привыкания эйф тоже не вызывал и широко использовался медтехниками для снятия стрессов и помощи пациентам с травмированной психикой.

Некоторое эмоциональное привыкание было, конечно, неизбежно. Однако имплант легко перепрограммировался на отторжение эйфориназы раз и навсегда. В любое время Страйкер мог бросить эту привычку.

В вооруженных силах Конфедерации эйф был включен в список запретных препаратов, но все знали, что офицеры разного ранга употребляют его. В конце концов, вреда от него не было, он даже помогал сосредоточиться, активнее мыслить.

Однажды, двенадцать лет назад, выборочная проверка выявила следы эйфа в импланте и крови Страйкера. На его карьере это не сказалось, но имплант перепрограммировали. Через две недели он нашел гражданского медтехника, снявшего блокировку эйфа.

Жизнь продолжалась, и переносить ее было легче, принимая время от времени эти яркие синие лепешечки.

Прозвучал сигнал, диафрагма люка боевого центра раздвинулась и впустила лейтенанта Келли Тайлер. Она пригнула голову, чтобы не задеть край люка, а когда выпрямила ее снова, удивленно воскликнула:

– Ой! Извините, полковник. Я... я просто не ожидала найти здесь кого-нибудь.

– Всегда можно спросить машину, лейтенант.

– Да, сэр, но мне и в голову не пришло. Сюда обычно никто не ходит.

– Я прихожу. Очевидно, вы тоже.

– Э... Да, сэр. – Она казалась смущенной. Длинные рыжие волосы в нарушение всех предписаний распущены вдоль спины. Она машинально запустила в них пальцы, потом осознала свое движение и отняла руку. – Я... э... хотела проверить «Виктора» отсюда, из командного пункта.

– Я только что этим занимался. По всему полку. Но, пожалуйста, если хотите, проверьте еще раз.

Он видел ее замешательство, понимал, что она подыскивает подобающий ответ. Конечно же, она тоже хотела уединиться.

Почти сразу же по прибытии в полк он понял, что лейтенант Тайлер – странная личность. Робкая, не высказывающая своего мнения, она все же была превосходным командиром боевой машины, они прекрасно понимали друг друга. С Боло она разговаривала гораздо свободнее, чем с коллегами.

Может быть, она немножко влюблена в своего громадного подопечного и хочет с ним попрощаться и пожелать удачи.

Он уважал ее чувства.

– Я буду на командном пункте. – И, проверив время по импланту, он добавил: – В вашем распоряжении десять минут.

– Да, сэр. Спасибо, сэр.

– И... ваши волосы...

– Что, сэр? – Она покраснела.

– Они прекрасно выглядят, не спорю, но вы знаете инструкцию. Убрать и закрепить, по крайней мере пока вы при исполнении. Не хочу, чтобы вас куда-нибудь затянуло.

– Извините, сэр. – Она начала скручивать россыпь волос в пучок.

– Ему ведь... – Страйкер поднял глаза к потолку, имея в виду Боло, – все равно, какая у вас прическа.

Она покраснела еще гуще и пробормотала что-то неразборчивое. Улыбнувшись, Страйкер нырнул в люк и попал в узкий зеленый проход. Он не хотел мешать рандеву лейтенанта с машиной и предоставил ей еще несколько минут.

Но через эти несколько минут полк уже будет предоставлен самому себе.

Глава 3

Последние секунды перед отделением посадочного контейнера я затрачиваю на окончательную проверку боевых, силовых, навигационных, сенсорных систем. Докладываю в командный пункт, что все системы работают в нормальном режиме. Внешние судовые сенсоры воспроизводят изображение поверхности цели. Красноватая планета, подернутая белым и охрой, частично освещенная, теперь видна всего в 500 километрах. «Наследие» рассчитало вектор сближения, по которому я сяду на ночной стороне, но ближе к утренней заре. Дис в кольцах, раздутый, сплюснутый у полюсов, поднимается над изогнутым горизонтом своего самого большого спутника.

- Четвертый полк, первый батальон, доложите готовность! – звучит по каналам связи.
- «Непобедимый» готов.
- «Устрашающий» готов. Очередь второго батальона.
- Второй батальон, доложите готовность!
- «Виктор» готов, – отвечаю я.
- «Отважный» готов.
- Третий батальон, доложите готовность!
- «Ужасный» готов.
- «Сильный» готов.

* * *

В небе появляются звезды, которых не было видно из-за яркого солнечного света...

Страйкер пропустил Карлу Рамирес и шагнул за ней через люк, привычно пригнувшись – роста он был высокого. От стен помещения, в которое они вошли, исходил мягкий рассеянный свет, в центре удобный кольцевой диван окружал углубление коммуникационной ямы.

Никаких панелей инструментов. Неспециалисту это показалось бы удивительным.

Техники ВР выдали вошедшим офицерам настроенные шлемы. Майор Дилан Кинг, полковой тактический офицер, уже восседал на диване, следя за огоньками боевой командной сети. Здесь же находились три командира батальонов со своими штабами.

Страйкер сел. Шлем ВР создавал ощущение присутствия здесь всего необходимого персонала. Рамирес и Кинг, пилот судна, сотрудники штаба Моберли на борту флагмана: нервные мысли шести командиров боевых единиц и трех командиров батальонов и всех других. Процесс назывался распределенной командной процедурой, сокращенно РКП, и особенно хорошо подходил, как показала практика, для крупных и сложных операций, подобных развертывающейся сейчас при их участии.

Ощущалось также присутствие шести мощных мыслительных потоков, виртуальных Боло 4-го полка.

Подключившись к сети, Страйкер смог увидеть картину, раскрывавшуюся перед наружными визуальными сенсорами «Наследия».

Разукрашенный маскировкой корпус корабля нависал сверху плоским дюралевым козырьком. Темный шар Церна выгибался внизу и впереди. «Наследие» шло в тени планеты Дерн. Оба солнца, Саллос А и Саллос В, и Дис, планета мира-спутника, оказались ниже медленно выпрямляющейся линии горизонта. Сторона Церна, постоянно отвернутая от Диска, была местом мрачным и холодным, с немногими поселениями и без целей хоть какого-то военного значения. Сейчас здесь была ночь, темноту нарушали лишь свет звезд да сполохи полярных сияний – бледные зеленые, красные и желтые пятна.

Страйкер заметил оранжевые и красные точки действующих вулканов на ночной стороне, раскаленная лава которых подсвечивала размазанные облака дыма и пепла. Призрачно мерцал вечный лед, покрывавший почти всю территорию полушария. Даже во время длинного пятидесятидвухчасового дня температура на обратной Дису стороне Церна никогда не поднималась выше минус 10 градусов по Цельсию. На таком значительном расстоянии от сверкающих Саллосов, почти в 5 астрономических единиц, температура любой свободной планеты не поднималась бы выше нуля, но Дис своим тепловым излучением и приливными деформациями – попеременным растяжением и сжатием – разогревал обращенную к нему сторону до температуры, неприемлемой для человеческого организма. Главные поселения и военные объекты лежали по берегам Цепочки морей, опоясывающих Церн от полюса до полюса и обратно, между областями огня и льда. Это должно было упростить наступательную операцию.

Флоту Конфедерации предстояло овладеть не всей поверхностью в 220 миллионов квадратных километров, а лишь десятью процентами ее, половину которых к тому же занимали моря.

И все же площадь эта была очень велика. Ударная сила должна была направиться на ключевые цели: города, военные склады и базы, центры связи, аэропорты. Законспирированные члены торговых делегаций снабдили Флот всей информацией, которую смогли получить. Нужна была бомбардировка.

– Дайте тактическую вводную! – потребовал Страйкер, и на вид планеты наложилась сетка букв, цифр и значков.

Впереди боевым строем заходили на орбиту эсминцы, их обозначения позволяли определить, где «Катеран», где «Дельфис», а где «Трителади». Они начинали бомбардировку. Выстрелов их «Хеллборов» с такого расстояния нельзя было заметить, но данные указывали углы наведения, первичные и вторичные цели, вспышку и распространение ударной волны каждого выстрела. Грендилфену достанется, подумал Страйкер. Главный калибр эсминцев, 200 сантиметров, тот же, что и у Марк XXXIII его полка. Выход их – пять мегатонн в секунду на ствол. После их атаки трудно будет что-нибудь восстановить.

Ему не хотелось думать о разрушениях, которые в эти минуты происходят на поверхности. Насмотрелся на Аристотеле...

«Черт, мне надо было принять одну перед тем, как идти сюда», – думал он. Он почему-то не задумывался о том, что именно будет происходить на Церне.

– Командная капсула, приготовиться к сбросу, – прошептал голос в ухе.

– Поехали, – сказал Кинг. – Надеюсь, наши шпионы знали, о чем сообщали, когда объявили эту местность чистой.

– А что? – спросил майор Бесвин, командир первого батальона.

– Я чувствую себя голым в этой спасательной шлюпке.

Страйкер хмыкнул:

– Радуйся, что ты уже здесь, Дилан. Если плохие парни начнут отстреливаться, то корабль – цель пожирнее и полегче, а ты уже сидишь в шлюпке, не надо будет к ней спешно бежать.

Конечно же, командная капсула была значительно больше и комфортнее, чем любая спасательная шлюпка. Но Страйкер понимал ощущения майора Кинга. «Наследие» – судно громадное. Трудно представить, что ты в гораздо большей безопасности в крохотной скорлупке, в летающем блюде диаметром в полсотни метров, чем в космическом левиафане.

– Сброс командной капсулы, обратный счет: пять... четыре... три... два... один... сброс!

Инерционные поля не позволили находившимся в командной капсуле ощутить никаких изменений, но звук отсоединившихся захватов создал у всех иллюзию резкого толчка. Громадная поверхность корпуса «Наследия» отдалась, и по мере стабилизации и ориентирования в пространстве летающего блюда всем показалось, что это «Наследие» отсоединилось и понеслось в сторону.

Одновременно у бортов громадного судна зароились, как мелкая рыбешка у боков громадной акулы, другие командные капсулы, ложные цели и постановщики помех.

Для ядерных истребителей-перехватчиков и охотников такое судно, как «Наследие», представляло собой желанную добычу. Никакие боевые экраны не устояли бы против ядерного взрыва у самого борта, который сделал бы громадный корабль беззащитным, а залп мог разнести его на атомы. РКП была призвана обеспечить выживание по возможности большего числа боевых командиров при массированных атаках и полномасштабном ядерном ударе.

Но даже Страйкер признался себе, что ощущение одиночества и неприкаянности одолевало его вне пределов громадного корабля.

«Наследие» маневрировало, сбрасывая скорость и высоту, приближаясь к планете. С помощью собственных сенсоров и через общую сеть группы можно было следить за его снижением в темноту припланетного пространства Церна.

Другие корабли выполняли аналогичные маневры, снижаясь неподалеку от линии утренней зари с темной стороны. «Ванглед» с 3-м полком севернее, «Калахад» с 1-м – южнее. Страйкер поймал себя на том, что затаил дыхание, и заставил себя расслабиться. Если у врага были скрытые резервы, не замеченные шпионами Конфедерации, то наступил момент для их наиболее эффективного использования. Десантные контейнеры наиболее уязвимы для зенитного огня, Боло еще не могут применить свою ужасающую мощь.

Они переключились на изображение, поступающее с одного из беспилотных наблюдателей, сброшенных «Наследием». Горизонт выпрямлялся в мягкую, окаймленную золотистым сиянием дугу. Главный десантный люк открыт, скорость убавляется до скорости вращения Церна, до зависания. И вот из люка показался первый десантный контейнер.

Каждый из них был намного больше командной капсулы, но терялся на фоне громадного космического судна. Контейнеры выходили по два, затем отделялись от своего носителя и друг от друга. Наблюдавшие не замечали выхлопа двигателей, но информация об их ускорении поступала по ВР-каналам. Контейнеры направлялись книзу, к поверхности Церна.

Мы покидаем носитель по двое. Сначала выходит первый батальон, «Непобедимый» и «Устрашающий», затем я и «Отважный», за нами третий батальон. Контейнеры отдаляются и маневрируют, включив двигатели.

При помощи сенсоров проверяю координаты и вектор. Корабль сбросил нас, приблизительно согласовав свое движение с вращением Церна, горизонтальная скорость которого около 69,7 метра в секунду. Такая низкая величина редко встречается среди небесных тел, обычно для планет она в три-пять раз выше. Но Церн совершает оборот по окружности в 26 288,8 километра за 4 суток, 8 часов, 46 минут и 6,86 секунды.

При латеральной составляющей вектора снижения, соответствующей горизонтальной составляющей вектора вращения планеты, я, по сути, сброшен над точкой приземления на высоте 127,3 километра. Двигатели контейнера наберут скорость 1500 километров в час, приземление произойдет через 5 минут и 4,8 секунды.

У меня, однако, появились другие заботы. Враг, несмотря на ущерб, нанесенный бомбардировкой, открыл интенсивный зенитный противовоздушный и противокосмический огонь.

* * *

Небо вокруг заполнилось светом, жаром и жестким излучением...

– Это ожидание изматывает, – пожаловался офицер штаба капитан Мейерс.

Лейтенант Келли Тайлер не могла не согласиться, хотя, как всегда, про себя. Пока что она и остальной командный персонал 4-го полка могли лишь сидеть вокруг коммуникационного колодца и выжидать, следя при помощи своих шлемов за приближением контейнеров к

поверхности. И поверхность взорвалась навстречу контейнерам вспышками плазменных зарядов, раскаленными кинетическими болванками, выхлопами противовоздушных ракет.

Трудно было осознать, что они находились на расстоянии шестисот километров от поверхности, а не в гуще разрывов, – такой убедительной была картина, представленная им ВР-каналами. Келли почувствовала резкую боль в ладонях и поняла, что вонзила в них ногти.

Она сосредоточилась на своем персональном канале связи с «Виктором». Она чувствовала его мысли, как будто он находился здесь, в командной капсуле, или она попала в его пункт управления.

– Как дела, «Вик»?

– Все системы функционируют нормально, мой командир, – последовал бесстрастный ответ Боло. Может быть, в нем слышался затаенный упрек, предложение заткнуться и не мешать?

«Ну, я преувеличиваю. „Вик“, конечно, понимает меня... – подумала она. – Милый „Вик“...»

Келли сознавала свои трудности в общении с людьми, особенно с мужчинами. Она знала мнение других о себе как о робкой, тихой, замкнутой особе. Они принимали ее, потому что она хорошо понимала Боло, особенно «Виктора», с которым работала в течение вот уже целого стандартного года.

Единственные существа, единственные «люди», с которыми она чувствовала себя легко и свободно, были Боло. Такие, как «Виктор». Он не входил ночью в ее комнату, пьяный, как ее отец, не бил ее и не «развлекался» с ней. «Виктор» не орал на нее, как Вэйн, не бил и не унижал, как Фред. Он был спокоен и исполнен уверенности, силы, мужественности, не имеющей ничего общего с сексом. Он принимал ее и уважал, и это чувствовалось в его лаконичной речи, в обращении «мой командир».

Для Келли он был воплощением силы, совершенной, сбалансированной и контролируемой. Иногда она притворялась сама перед собой, что влюблена в «Виктора», в то же время понимая, что это лишь ее тайная игра, фантазия. Как правило.

На высоте 90 километров они вошли в разреженные верхние слои атмосферы Церна. Нагрев корпуса, рост атмосферного давления... Ослепительная вспышка, контейнер швырнуло... Зарегистрирован мощный электромагнитный импульс, потоки термоизлучения и радиации. Келли казалось, что она плечами ощутила удар, обрушенный на контейнер волной близкого взрыва.

Значит, Трикси все-таки использовали ядерное оружие. Это не было неожиданностью. «Курбал» зарегистрировал использование его против ОТГ-74.

Но некоторые штабисты считали, что вблизи от своего мира Трикси все же воздержатся от его использования.

Келли вспомнила, что Страйкер не дал себя убедить и при планировании операции добился, чтобы возможность применения противником атомных зарядов была учтена, а силы вторжения максимально рассредоточены. Он предугадал ситуацию. В достаточной ли мере?

Поверхность под ними искрилась, силы вторжения били по вновь появившимся целям, уничтожая наземные батареи и опорные пункты. «Хеллборы» дырявили поверхность, взметая тучи раскаленного пара, плавя скалы, выделяя мегатонны чистой термической энергии. Оба артиллерийских корабля эскадры, «Ахесеррас» и «Валиденте», обратив свои километровые пушки-направляющие к поверхности Церна, крушили оборону врага сверхскоростными снарядами. Казалось, ничто не может устоять против такого сокрушительного удара...

Продвигаясь по туннелю, ЛКН 8737938 чувствовал, как планета сотрясалась от ударов по поверхности. Лабиринт подземных туннелей, которые люди называли Безднами Церна, замысловатой сетью опутал планету в глубине ее коры, соединяя города людей с глубоко скрытыми гнездами пришельцев. Он многократно бывал в туннелях с момента своего появления на свет

из инкубатора два с половиной года Диса назад. Но в его памяти туннели запечатлелись как громадные подземные трубы с высокими арочными стенами, теряющимися во тьме наверху. Для его теперешних органов чувств, неразрывно связанных с дюралевым корпусом Боло Марк XXXII, туннели были ярко освещены, по крайней мере в инфракрасной части спектра, очень низки и узки.

Боги заверили, что туннели достаточно глубоки, чтобы не опасаться никаких средств бомбардировки, но ЛКН не мог подавить страх. Если бы у него было сердце, оно билось бы быстро-быстро.

Сотрясения коры усилились и участились, корабли врага обрабатывали поверхность плазменными ударами, не уступавшими по интенсивности ударной волны и тепловыделения крупным ядерным боеголовкам.

Элкен подумал о своей семье. Живы ли они? Паймос, конечно же, на одном из первых мест в списке целей врага.

Твоя семья в безопасности. (Уверенность.) Почти все гражданское население эвакуировано в подземные туннели еще до подхода врага.

– Спасибо. Можно их увидеть? Может быть, поговорить?

Не сейчас. (Сожаление.) Ты должен сосредоточиться на своей задаче и нашей миссии.

Ну и ладно. Что бы сказали обе его подруги, увидев его в теперешнем обличье? Особенно Дженне с ее невротическим неприятием пластичности Пути Богов, изменчивости их внешних проявлений.

Его родители тоже, конечно, расстроятся, хотя его связь с ними никогда не была слишком тесной. Удаленный из материнского тела вскоре после зачатия, он развился в инкубаторах, родился и вырос в тепле и уюте Паймосского Детского Центра 4937, встретив родителей лишь в возрасте полгода (по Дису). Им нечего было делить, их ничто фактически не объединяло.

Но они навестили его перед операцией. Он видел их озабоченность и не хотел расстраивать.

Впереди туннель разветвлялся, левый ход вел наверх, правый – вниз. Вправо, приказал бог. Переждешь бомбардировку в Тролвасе.

– Тролвас – это что? Город? Я такого названия не слышал.

Это одно из наших... специальных мест в коре Церна. Город богов.

В мозгу Элкана завибрировало боязливое предвкушение, радость новизны. Он, конечно, слышал об этих сказочных пещерах Бездны, о сокровищах богов; местах их размышлений и развлечений. Но он не ожидал попасть туда раньше смерти своего тела.

Туннель вел вниз, глубже в кору планеты. Интересно, на какой он сейчас глубине? Температура и давление здесь поддерживались искусственно, по этим параметрам судить невозможно. Конечно, глубина измерялась километрами. Это можно было понять по отзвукам взрывов и сотрясению стен туннеля.

До каких глубин простирался лабиринт? Лишь боги знали это. Предания Темных Веков гласили, что начало системе туннелей положили люди в поисках полезных ископаемых. Но попытки людей были, разумеется, ничтожными в сравнении с мощью богов.

Гром наверху усилился, разносясь по лабиринту. Что же творится на поверхности, подумал Элкен. Что осталось от городов, ферм, прудов дромы, питомников хаба, золотых парящих храмов его родного мира?

ЛКН 8737938 продвигался вперед и вниз. Он еще не привык к изменению своего облика, но одно он усвоил твердо. Враг поплатится за осквернение священных мест богов, и поплатится жестоко.

Вокруг взрываются ядерные заряды от полу килотонных противовоздушных до 5-мега-тонных, предназначенных в основном для вывода из строя электроники кораблей. Но боевые

экраны пока выдерживают, и, хотя корпус контейнера уже опасно нагрет, мои системы функционируют нормально.

Нагреву корпуса контейнера способствует и сгущение атмосферы. Я постоянно контролирую параметры как свои, так и контейнера. Пока отклонений от нормы не наблюдается.

Падаю сквозь облако отражателей, рассеянных эжекторами внешнего корпуса контейнера. Они служат экраном против радиолокационного и оптического обнаружения контейнера с поверхности Церна и, соответственно, ухудшают возможности обзора поверхности сверху. Примерно в 10 километрах ниже меня взрываются три ядерные боеголовки; очевидно, противник пытается, «рассеять» облако пассивных помех ударной волной и тепловым излучением.

Я прошел область пассивных помех в свободном падении, ощущая замедление из-за сопротивления воздуха. Внешние слои контейнера аблативные, перегретые фрагменты отделяются, отводя тепло и увеличивая эффективную поверхность отражения. Огненный шар, окружающий контейнер, ионизирует атмосферу. Моя связь со штабом прервана. Продолжаю падение, еще 158,4 секунды, и ионизация уменьшается настолько, что связь полностью восстанавливается.

Ощущая импульсы вражеских радаров и лазеров поиска и наведения. Я становлюсь центром сложной игры. Каждый нащупывающий меня радар выдает излучением свою позицию, и на него обрушивается удар с кораблей. Поэтому враг использует удаленные друг от друга позиции, облучая меня с разных направлений, чтобы усложнить задачу судовых станций противорадиолокационной службы.

Тем не менее с каждой миллисекундой вражеских сенсоров становится все меньше, работа уцелевших осложнена интенсивным электронным и визуальным подавлением с кораблей и мерами противодействия самого контейнера.

Противник, однако, далеко не беспомощен. Прямо подо мной зарегистрирован ядерный взрыв, облака на высоте 10 000 метров вспыхнули, взрывная волна швырнула мой контейнер, но он сам, своим ограниченным мозгом, справился с восстановлением стабильности спуска.

Замер один из каналов внутрисполковой связи. Боло 837989 «Устрашающий», по кличке «Страх», не отвечает. Можно предположить, что последний ядерный взрыв был достаточно близким, чтобы вывести его из строя.

Следует констатировать, что сопротивление гораздо активнее и яростнее, нежели прогнозировалось. Во что это может вылиться при столкновении с противником?..

* * *

– Черт! – нарушил молчание майор Бесвин. – «Страх» пропал!

Страйкер услышал щелчок в канале первого батальона и сразу понял, что он означает. Конечно, оставалась возможность, что вышла из строя только аппаратура связи, но... Страйкер видел вспышку взрыва и по телеметрии получил расстояние от нее до контейнера «Устрашающего». Менее сотни метров.

Не укладывается в воображении, что такую мощную систему, как Боло Марк XXXIII, можно уничтожить. Но почти прямое попадание ядерного заряда на высоте 25 километров, конечно же, на это способно.

– Спокойно, – негромко сказал Страйкер. – Мы знали, что такая возможность не исключена.

– Д-да, сэр...

– Лейтенант Баклин!

Джейми Баклин был командиром «Страха» и был с ним очень близок.

– Да, сэр, – упавшим голосом откликнулся командир погибшей машины.

– Не вешать нос. Вы мне нужны в полковом резерве.

– Да, сэр. Я в порядке, сэр.

Черта с два ты в порядке, сынок. Командиры машин и батальонов срастались со своими гигантскими подопечными и всегда тяжело переживали потерю.

Страйкеру тоже было тяжело. «Страх» ему полюбился за то недолгое время, которое им довелось работать вместе. Но на нем лежала ответственность за пять оставшихся Боло полка, падавших сквозь огонь.

Космическая эскадра двигалась по орбите над зоной высадки, приближаясь к линии восхода. Местное солнце осветило дугу горизонта Церна, сначала заблестевшего тонкой линией, постепенно расширившегося в узкий серп.

Внизу на поверхности еще царила ночь, но уже достаточно освещенная утренней зарей, чтобы можно было различить горы, покрытые снежными шапками, скрытые облаками или мерцающие лавой. Тихие темные моря окаймлены сложным узором дюн, черными скалистыми утесами и извивами рек.

Города горели, в их геометрической структуре выделялись мигающие сияющие точки, над каждой целью висело облако дыма, подсвеченное изнутри и снизу. Пожары были видны и вне городов, на месте аэрокосмических баз или центров связи военной инфраструктуры Этрикса.

Силы вторжения постарались по возможности щадить население Церна, хотя почти в каждом городе находился какой-либо военный объект Трикси.

Бомбардировке подверглись все главные цели и большинство второстепенных; эсминцы продолжали прощупывать местность в поисках мелких целей, затерявшихся в горах и каньонах. Сине-белая пульсация говорила о бомбардировке обнаруженного центра слежения в горах над Йотуном.

Соппротивление врага оказалось неожиданно ожесточенным. Стало очевидно, что наземная оборона была намного сильнее ожидаемой. Большинство обнаруженных и пораженных целей отсутствовали в имевшемся у них перед вторжением списке.

Что ж, не впервые в военной истории разведка не смогла дать точной своевременной информации.

Оставалось надеяться, что этот провал разведки не повлечет за собой тяжелых последствий, ибо в противном случае Боло там, внизу, окажутся в ловушке, из которой невозможно выбраться.

Снизился до уровня 15 000 метров. Местность подо мной закрыта плотным дымом от горящих целей, прямое наблюдение невозможно.

Отмечаю наличие многих вражеских позиций на местности, не совпадающих с отмеченными в моих данных. Некоторые объекты глубоко погружены в грунт, сильно укреплены, хорошо защищены, имеют мощное вооружение. Ими надо будет заниматься отдельно.

Но для этого нужно сначала успешно приземлиться, не разделив судьбу Боло 837989. Лазерные и корпускулярные лучи сканируют небо, их путь прослеживается по вспышкам на парящем в загаженной атмосфере мусоре.

Достигнута высота 12 000 метров. Здесь начинается сброс скорости, маневр, который наверняка привлечет внимание противника.

* * *

– Теперь прошу повнимательнее! – предупредил Страйкер.

Они следили за ВР-изображением снижения пяти контейнеров Боло. Каждый начал резкое торможение с пятнадцатью G, чтобы погасить скорость падения.

Наведение вражеского огня становилось более точным из-за падения скорости и выхода из облаков пассивных помех.

Каждый из контейнеров выдвинул, а затем развернул хвостовой стабилизатор, продолжая маневр для ухода от вражеского огня. Одновременно телеметрия показала, что контейнеры развернули дельтовидные крылья с мощными воздушными тормозами. Они начали выход из падения, борясь с инерцией вертикального нырка в 2 маха.

Перегрузок отрицательного ускорения, развиваемого контейнерами, не выдержал бы ни один человеческий организм, пилот мгновенно потерял бы сознание и, возможно, погиб. Боло не состояли из плоти и крови, не угрожали перегрузки и искусственному интеллекту контейнеров. Данные поступали в командные центры с минимальными потерями, вызванными помехами. Огонь с земли ослабевал; снижаясь, контейнеры выходили из радиуса поражения удаленных позиций. В то же время возрастала опасность со стороны тактических систем лазерного и корпускулярного оружия, подвижных огневых точек на морских и воздушных судах, со стороны наземных средств.

Страйкер краешком глаза заметил время. Еще две минуты...

* * *

Уровни... вибрации... возрастают... с выходом... контейнера... из падения...

Системы замедления на максимуме...

Ускорение минус 50G...

Контейнер идет по дуге, ускорение падает. 20G... 15...

Маневр сложный, позволяет выйти из падения с двойной скоростью звука. Его можно было бы заменить инерциальными амортизаторами, но это чересчур громоздко и требует затраты слишком большой энергии для одноразового десантного контейнера. Мне такие перегрузки неопасны, но крылья контейнера, системы с изменяемой геометрией, вызывают у меня опасения. Они сейчас выдерживают напряжения, близкие к предельно допустимым.

В любом случае худшее позади. Горизонтальный полет над темной поверхностью моря на высоте 1200 метров со скоростью 436 метров в секунду, примерно 1,5 маха для данных высоты и давления воздуха. Контейнер сопровождают несколько ложных целей, маневрирующих независимо от него.

Электромагнитная маскировка делает эффективную отражающую поверхность контейнера равной примерно 5 квадратным сантиметрам. Ложные цели выглядят намного большими, к тому же более активно маневрируют, отвлекая внимание от основной цели. От меня.

Впереди небо светится. Частично это следствие восхода светила, но спектральный анализ показывает, что в основном свечение обусловлено городскими пожарами вследствие бомбардировок и огня «Хеллборов».

Начинается сброс высоты.

* * *

ЛКН 8737938 вошел в пещеру, которую боги называли Тролвасом. Так глубоко находилась эта пещера, что, когда он пересекал ведущий к ней мост, внизу, в глубокой расщелине, бурлила река расплавленного камня под черной застывшей и снова трескавшейся коркой. Раскаленные стены пещеры слегка светились, в воздухе висели клубы сернистых дымов, весь потолок был покрыт серными отложениями.

Гром бомбардировки доносился и сюда, но настолько ослабленный, что почти не воспринимался, перекрывался звуками работающих энергетических и производственных комплексов богов.

На обширной плоской поверхности перед черными и коричневыми зданиями богов прибытия Элкана ожидали сорок таких же, как он, машин.

Громадные бронированные массы, каждая с башней 200-сантиметрового «Хеллбора» Дженерал Полидайнэмикс.

И тут... он понял, что встретил знакомых. Он уловил привычный ход мыслей за грубыми броневыми плитами. Здесь был ВБР 9383733, друг по Детскому Центру. А вот НГК 2225344 из Паймоса, знакомый родителей. Он думал, что они давно в Садах Богов.

И еще он услышал мысленный голос СНД 9008988. Она несколько циклов назад вызвалась на операцию. Это была ее заявка на бессмертие.

Он настолько забылся, узнав старых знакомых, что мысленно потянулся к люку, чтобы выйти и направиться к ним... и очнулся, осознав, что он не сидит в вездеходе, ползущем по пещерам, а сам является таким «вездеходом», мощным боевым монстром с человеческим мозгом. И он испугался. Что станет с ними? Что станет с ним?

Все будет в порядке. (Уверенность.) Все произойдет так, как должно произойти.

– Привет, Элкен! – окликнул Боло, которого Элкен каким-то образом распознал как ПЛТ 94635469, совсем еще юнец, лишь несколько дневных циклов назад переселившийся в город из Детского Центра. – Смотри, что я умею!

Боло подался назад и подпрыгнул на антигравитации, высоко задрал нос.

Какое-то неопределенное мгновение Элкен созерцал 21 000-тонную махину, стоящую на заднем изгибе гусениц и удерживающую баланс их движением под углом около 60 градусов к поверхности.

– Да? – До Элкена донеслось, как Палет реагирует на какую-то слышную лишь ему одному команду. Боло с грузным толчком, отозвавшимся в гусеницах и торсионах Элкена, восстановил сцепление с поверхностью. – Извините...

Многие твои товарищи еще осваиваются со своим новым обликом. Но это несложно. Теперь направляйся на свое место... в первом ряду.

ЛКН продвинулся к строю Боло и остановился рядом с СНД 9008988. Он почувствовал теплые приветственные мысли Синди.

– Элкен! Я так тебе рада! Ты решился...

– Я... этого я не ожидал. Я думал, новое тело будет человеческим. Или, по крайней мере, в нем останется что-то человеческое, как у Специалов.

– Мы и есть Специалы. Самые-пресамые Специалы, какие только могут быть на свете.

– К этому надо привыкнуть...

Внимание, дети мои. (Серьезность.) Понятно, что многие из вас удивлены своими новыми телами, удивлены выбранным для вас богами первым шагом на пути к золотому бессмертию. Поверьте, мы рады были бы приветствовать вас в рядах бессмертных сразу, без промежуточных шагов. Развитие событий требует, однако, неотложных мер, усилий всех, кто пребывает в этом мире, как богов, так и людей. Смотрите...

В мозгу Элкена сформировался образ, поражающий своей реалистичностью, поражающий еще и потому, что в космосе Элкен не бывал.

Казалось, он висел в космическом пространстве высоко над линией утренней зари. Он узнал свою планету, Церн, он видел все это в новостях и в Детском Центре: Церн, Дис, восход Саллосов. Но теперь над Церном висела армада чужих боевых кораблей, и на его поверхности, на ночной стороне от линии восхода, вспыхивали многочисленные мощные взрывы.

Он подумал, что картина эта, должно быть, симитирована, ибо как могли боги попасть в середину чужой эскадры? Хотя, с другой стороны, чего не могут боги?

Картина поверхности приблизилась, стали видны детали, горизонт почти выпрямился. Элкен увидел, что целые города лежат в руинах, горят, в небе над ними поднимаются столбы дыма и пепла, как при извержении вулкана.

Город Леделефен. (Глубокая скорбь.)

Леделефен? Это на юге, недалеко от Паймоса. Элкен бывал там в Историческом Куполе, еще будучи монахом Братства. Он хорошо помнил город. Эти пылающие, плавающие руины не были Леделефеном... Но вот Башня Знаний, чудом уцелевшая посреди выжженного круга, бывшего еще недавно парком Божественного Откровения...

Во имя всех богов!..

Небесные Демоны опустошают наш мир садов. (Праведный гнев.) Они уничтожают наши города, детские, учебные и научные центры. Они готовы на все, чтобы покорить нас, богов и людей. Но выбранная демонами безумная стратегия обернется против них самих. Им придется понять, что дикость, варварство и предательство не смогут сломить дух цивилизованных людей, живущих в гармонии со своими богами.

И вы призваны послужить богам и народу. Вы собрались в теплых глубинах Тролваса. Армада Небесных Демонов приближается. Скоро бомбардировка прекратится, и они высажутся.

И тогда вы ударите по ним и сотрете их с лица нашей планеты.

Глава 4

Я снизился до высоты около 10 метров над поверхностью Моря Штормов и лечу на восток со скоростью 1230 километров в час. Это значительно выше скорости звука в нижних слоях атмосферы Церна. Ударная волна поднимает стеной воду, звук остается далеко позади.

Сейчас иду параллельно берегу. В 32,7 километра к северу, слева от меня, полуостров Кретир. В 58,1 километра впереди береговая линия выгибается к югу, при настоящей скорости я перейду на сушу через 19,8 секунды.

Я выйду на берег на скалистом пляже к северу от города Гендай. Это один из крупнейших городов Церна, важный стратегический узел: два склада Боло, командно-штабной центр, учреждения материально-технического обеспечения, тыловые службы... Так как склады находятся на большой глубине под поверхностью и недостижимы для атаки из космоса, то моя задача – нейтрализовать местные силы и охрану и удерживать позицию до прибытия специалистов Конфедерации, которые займутся хранящимися на складах Боло.

Почти 0,1 секунды затрачиваю на размышления о Боло на Церне. Машины Марк XXXII по боевым возможностям не намного отстают от меня, хотя весят всего лишь 21 000 тонн и вооружены лишь одним 200-сантиметровым «Хеллбором» в осевой вращающейся башне. Сведения об этой области фрагментарны, но известно, что Боло доставлены сюда как, стратегический резерв во время хаоса галактической Мелкониианской Кампании около 500 лет назад. Они законсервированы и требуют определенных усилий специалистов для ввода в строй. Все же, если техники Конфедерации выполняют эту работу, у нас будет значительный дополнительный ресурс для патрулирования, ведения разведки и удержания позиций, когда силы вторжения завершат свою миссию.

Интересно было бы пообщаться с Боло, проснувшимися после долгого сна. Я и большинство моих товарищей изготовлены двумя столетиями позже, когда конфликт, который люди называют Мелконским Армагеддоном, был практически исчерпан и угас. Информация о минувшем неполна, многое утрачено, особенно из-за тотальных разрушений на Старой Земле. А от этих ветеранов можно многое узнать о конфликтах прошлого.

В отличие от моих командиров-людей я не опасаясь, что Боло на Церне могут быть использованы врагом против нас. Психотроника искусственного интеллекта Боло Марк XXXII почти столь же сложна и мощна, как моя.

Нейропсихотронный интерфейс обеспечивает прямой контакт с человеком. Система лояльности и индоктринации Марк XXXII не допустит доступа никакого внечеловеческого субъекта, даже если он и проникнет в слой защитной логики с ее ловушками и барьерами.

Ходят слухи о том, что где-то в направлении галактического ядра, в мире, называемом Облаком, какой-то машинный интеллект около 100 лет назад внедрился в сознание Боло Марк XXXIII. Мне это кажется невероятным, но если даже такое и произошло, то лишь потому, что враг в этом случае сам располагал искусственным интеллектом, намного превосходящим человеческий.

Но Этрикс не располагает интеллектуальным либо технологическим преимуществом. В его распоряжении нет средств, которые бы заставили Марк XXXII подчиниться.

Даже если бы такое произошло, остается очевидным, что я намного превосхожу Марк XXXII, не говоря уже о других, более старых типах машин из местного арсенала, как по интеллекту, так и по технологическим и тактическим характеристикам. Местные силы встретили десант на удивление мощной контратакой, но, когда дойдет до развертывания на поверхности, они не смогут противостоять наступлению Конфедерации.

До берега 18 секунд. Использую внешние сенсоры десантного контейнера для изучения окружающего пространства и обнаружения возможных центров сопротивления противника. В

меня заложена информация о наличии мощного оборонительного бастиона Доленди на полуострове Кретир, но с этого направления не поступает никаких признаков жизни. Возможно, этот центр обороны нейтрализован во время орбитальной атаки.

Засечены источники излучения, и перехвачены потоки зашифрованных данных спереди, с пеленгов 078,091 и 095 градусов. Сигнал слабый, принят с боковых лепестков остронаправленной диаграммы, возможно, не был замечен с орбиты. Заношу вычисленные координаты источников в свою боевую программу.

Осталось 15 секунд. Пора переходить на дозвуковую скорость. Контейнер выпускает воздушные тормоза, разворачивает вперед антигравитационные генераторы, добавляющие 4G замедления. Контейнер делает легкий вираж влево, меняя курс с 089 на 082 градуса, выходя на место посадки к северу от складского комплекса Гендая.

* * *

Тут-то все и начинается.

– «Вик» под огнем! – воскликнула лейтенант Келли Тайлер. Офицеры полка смотрели на изображение океана, испещренное точками островов. – Засечен пуск, координаты Сьерра один, девять, Оскар пять, три.

– Это же открытое море! – заметил майор Лоренс Филби, командир 2-го батальона.

– Там судно, – сказал майор Кинг. – Очевидно, погружаемое, поднялось на поверхность.

Страйкер заметил длинный обтекаемый черный корпус, омываемый волнами. Значит, враг прятался среди островов, скорее всего под водой.

– Три малые ядерные боеголовки, по полкило-тонны, не больше, – определила Рамирес. – Идут к «Виктору», дальность пять километров... три...

– Сбить! – было первой реакцией Страйкера. Но было уже слишком поздно.

Через мгновение над водой вспыхнули три ослепительных солнца, и поток телеметрии от «Виктора» прервался.

Ракеты противника над островом с юга, летят ко мне на низкой высоте на гиперзвуковой скорости.

Контейнер оборудован оборонительным противоракетным оружием, есть многоствольные пушки, лазерные и магнитные, но все они сейчас направлены вперед, а его искусственный интеллект слишком занят виражом и предстоящей посадкой.

Пытаюсь взять под собственный контроль оружие контейнера, но теряю целых 0,08 секунды на переговоры через его маломощный интерфейс. Ядерная боеголовка первой ракеты взрывается менее чем в 500 метрах южнее.

Боевые экраны контейнера рассеивают и поглощают большую часть энергии, но все-таки контейнер отброшен взрывной волной, кувыркается, потеряв управление. Через 0,445 секунды – второй взрыв в 200 метрах. Правое крыло разрушено, генераторы экранов перегружены, и схемы искусственного интеллекта контейнера частично выходят из строя.

Принимаю управление контейнером. Остатки крыльев только мешают, но с помощью центральных генераторов антигравитации удастся восстановить контроль над движением контейнера. Цель – мягкая посадка на воду.

Но через 0,34 секунды после второго следует еще один ядерный взрыв. Чувствую, что оболочка контейнера плавится... все ощущения его сенсоров исчезают. Кувыркаюсь в полной темноте.

Выбор небогат. Надо освобождаться от контейнера, пока он меня не повредил. Надеюсь, механизмы катапультирования в порядке...

* * *

Бог Улир'иджик увидел, как засветилось небо на севере. Цель исчезла с экранов на борту погружаемого аппарата «Даннек», уже шедшего под водой к моменту первого взрыва. Детонация взвихрила воздух и воду, «Даннек» качнулся, но снова выпрямился, погрузившись полностью, втянув под воду башню с пусковой установкой и сенсорами.

Прекрасная работа, сказал Улир'иджик членам экипажа, сросшимся с панелями управления и рабочими лежанками. Вы уничтожили одного из Боло Небесных Демонов. Вас будут вечно помнить в Садах Богов.

Бог понимал, как ему повезло с этим пуском. Окажись он чуть дальше от цели, десантный контейнер успел бы отреагировать и применить против его ракет свое оружие. Будь он чуть ближе, его собственные ракеты не успели бы захватить цель системами наведения.

Не говоря уж о том, что его судно не перенесло бы тройного ядерного взрыва.

Действительно хорошая работа.

Теперь, однако, пора удирать, побыстрее и подальше. Уничтожение контейнера с Боло не пройдет незамеченным, ответный огонь окажется интенсивным и, возможно, смертельным.

И бог Улир'иджик решил пожить подольше, чтобы еще раз поразить Небесных Демонов смертоносным огнем.

Система катапультирования сработала, корпус контейнера развалился. Белые плети пламени хлещут мой корпус – от взрыва моих зарядов, но главное – от огненного облака последнего ядерного удара.

Сенсоры бесполезны, я кувыркаюсь в нескольких метрах от вскипевшего моря. Температура корпуса возрастает до 900 градусов по Цельсию. Уровень радиации превышает 1500 рад, заражая наружный корпус.

Но это проблемы второстепенные. Главное сейчас то что через 2-3 секунды я войду в соприкосновение с поверхностью.

Боло Марк XXXIII оснащен генераторами антигравитации, и я их сейчас применю. Антигравитация увеличивает боевую мобильность и делает возможной высадку без десантного контейнера. Однако контейнер скрывает мой корпус и делает возможной маскировку, что и было использовано в данном случае.

Все так и шло, пока я не оказался кувыркающимся в раскаленном воздухе вместе с тучей осколков этого самого контейнера.

Я включаю генераторы антигравитации... но они не работают. Отказали схемы управления. Через 3,1 секунды я врезаюсь в воду левым бортом на скорости более 200 километров в час. Оплавленные и разломанные части контейнера погружаются вместе со мной.

* * *

– «Виктор»... – прохрипела Келли Тайлер. Потом сделала над собой усилие, добавила: – Сэр.

Трудно отделаться от ощущения реальности происходящего, наблюдая моделирование событий в VR-сети, даже зная, что находишься в безопасности, в тысяче километров от места трагедии.

Особенно трудно это переживать, когда машины, за которыми наблюдаешь с помощью компьютера, для тебя все равно что близкие, родные, живые люди.

– Спокойно, – обратился к ней Страйкер. – Еще все потеряно, «Вик» может выкарабкаться.

Надежда, конечно, очень слабая, но так не хочется от нее отказываться! Скорее всего, конечно, он не пережил трех взрывов, а если и пережил, то разбился при падении, раздавлен водой или лежит вверх дном, как черепаха, не в силах перевернуться.

– О боже, – услышал Страйкер стон Келли.

– Кроме того, у меня для вас еще куча работы, так что не расслабляйтесь!

Он ощутил желание похлопать Джейми и Келли по плечу, сказать, что он их понимает... но это было бы непрофессионально, и он воздержался от эмоциональных излияний. Сейчас нельзя расслабляться и отвлекаться. Потери – неизбежное следствие боевых действий. Тяжело терять друзей, даже если эти друзья – машины.

– Он выживет! – услышал он бормотание Келли по сети связи. Его поразила эмоциональность, жесткая уверенность ее голоса. Обычно она была такой сдержанной... – Он выживет! Он должен выжить!

И на 20-метровой глубине еще слышен рев взрыва, и сюда проникает яркий свет вспышки. Поток частиц и гамма-лучей, однако, иссяк, как и прямое термоизлучение. Температура корпуса, охлаждаемого морской водой, быстро падает. Непосредственная забота сейчас не перегрев или ударное воздействие, а правильное положение приземления. Если я лягу на дно башней вниз, перевернуться будет очень сложно.

Проблема легко решалась бы, если бы работали генераторы антигравитации. Нужно найти другие способы ее решения. Сейчас я иду вниз с наклоном на левый бок в 110 градусов, опустив нос на 56 градусов. Дно в 15 метрах от нижнего края левой гусеницы, измеряю сонаром. Скорость спуска – 25 метров в секунду, люди говорят в таких случаях: «Тонет как топор».

На эксперименты времени не остается. Если я сокращу крен до 20 градусов, то гарантированно опущусь на обе гусеницы.

Мое вспомогательное вооружение включает четырнадцать 20-сантиметровых скорострельных пушек в шаровых башнях, по семь на борт. Я поднимаю до упора пушки левого борта, и в этой позиции они смотрят в быстро приближающееся дно.

Открываю огонь из всех семи пушек одновременно. Ударная волна от ядерного синтеза водорода семи однограммовых зарядов, ускоренных магнитной индукцией почти до скорости света, бьет меня с силой, сравнимой с только что испытанной мною на поверхности. Вода вокруг моментально испаряется, корпус слева снова начинает опасно нагреваться.

Но применение семикратного сверхскоростного залпа действует. Левый борт подбрасывает, и крен уменьшается на добрых 30 градусов. Я ударюсь о дно сильно... но более или менее вертикально.

Передняя часть левой гусеницы врывается в дно на скорости 20 метров в секунду и тонет в грязи. Сенсоры показывают, что почти на всю длину, носом книзу, я погружен в вязкую субстанцию типа донного ила.

Вверху гаснет наконец вспышка ядерного взрыва, искусственное освещение морских глубин меркнет, воцаряются бессветные сумерки, для человеческого глаза – непроглядная тьма. Я пережил три близких ядерных взрыва по 0,5 килотонны, но теперешнее положение на первый взгляд не намного лучше. Погребен в грязи.

* * *

Тяжело оставаться в плену командной капсулы, чувствуя себя беспомощным, неспособным помочь терпящему бедствие боевому искусственному интеллекту. Конфедерация пересурдствовала в построении военной иерархии, а полки Боло довели эту номенклатурную систему до абсурда. Каждый Боло имел своего командира, батальонного и полкового, и ни один из этих командиров не мог заняться ничем существеннее предположений, находясь на таком удалении.

Древние битвы, гремевшие тысячелетия назад, ставили командиров во главу войск. Командиры вдохновляли людей, действовало само их присутствие. Но затем боевые действия стали невыносимы для воинов из плоти и крови.

Средняя выживаемость человека на современном ядерно-боло-биологическо-химическом театре военных действий измеряется уже не минутами, а секундами. Шансы имеют лишь такие боевые единицы, как Боло.

И когда что-то начинает идти наперекосяк – а в бою случается разное, – никто из важных командных шишек не может сделать ничего более путного, чем сидеть, уставившись на ВР-картину поля боя, и материться.

Или молиться.

«Боже, как мне нужен эйф!» У него был эйф в командной капсуле, на нижней палубе, в личном шкафчике. Ма-аленькая упаковочка с двадцатью четырьмя таблетками. Правда, пять он уже сжевал. Девятнадцать славных, небесно-синих таблеточек, которые могут снять стресс, унять угнетенность, временно восстановить утраченное на Аристотеле.

Он встряхнулся, отрываясь от мыслей о соблазнительной синеве эйфории. Он должен думать, должен сконцентрироваться, соображать...

Мощь полка сократилась с первоначальных шести до четырех единиц. Он переключил картину ВР на общий обзор, замечая позиции и время до посадки. «Непобедимый» коснется поверхности на полуострове Кретир, к югу от бастиона Доленди, уже через считанные секунды. «Отважному» еще минуту лететь до Канта. Третий батальон сейчас над Морем Штормов, еще несколько долгих минут предстоит провести ему в полете.

– Давайте, давайте, чертовы дети, – пробормотал он вслух, даже не заметив этого.

Для полной инвентаризации мне нужно 2035 секунд. Все системы, кроме бортовых генераторов антигравитации, полностью работоспособны. 12 психотронных плат в схемах управления некоторых систем вышли из строя, но все они заблокированы. В частности, силовые установки и ходовая часть стопроцентно функциональны.

Проблема в том, что, используя лишь гусеницы, я не смогу выбраться из донных осадков. 0,75 моего объема погружены в вязкую тину. Не за что ухватиться, не во что упереться. Моя масса – даже для чернских 0,4G все-таки 23 680 метрических тонн – слишком велика, чтобы выйти из грязи, как бы бешено я ни прокручивал гусеницы. Задняя часть тонет под действием силы притяжения. Нос, кажется, уже уперся в твердое скалистое дно, корма опускается со скоростью около 3 метров в минуту.

При такой скорости погружения примерно через 5 минут я буду стоять на дне всеми наборами гусениц. Движение будет, однако, существенно затруднено вязкой массой.

Просмотрел файлы прецедентов. В них содержится информация о Боло старых моделей, которые прокладывали туннели в массе горных пород, ферро-крета, дюралоя, бетона длиной в несколько сотен метров, чтобы пробиться на оперативный простор. Я смогу двигаться, но мне потребуются часы, а то и дни, чтобы выбраться. Пожалуй, удобнее было бы продвигаться сквозь бетон, в котором гусеницы имеют твердую опору, точку приложения немалой силы двигателей.

Но в моем распоряжении нет часов и дней, чтобы освободиться из этой западни. Я нужен на поле боя немедленно, как указано в оперативных планах. Конечно, командование учло мое исчезновение и внесло в планы соответствующие коррективы, но мой долг – достичь поля боя как можно быстрее и применить свое оружие против врага.

Если уменьшить массу, можно всплыть. Для этого следует отремонтировать генераторы антигравитации.

Диагностика показывает, в каком месте силовые шины расплавились под действием электромагнитного импульса ядерного взрыва, пробившего экраны защиты. Испарившиеся шины повредили пять из двенадцати вентральных проекторов антигравитации. Силовые шины можно заменить, я уже послал десять ремонтных роботов – «пауков», как их окрестили люди, –

они меняют поврежденные участки. Что касается проекторов, то их можно заменить лишь в ремонтном доке. Если семи оставшихся проекторов окажется недостаточно, то я вряд ли что-нибудь смогу сделать с генератором антигравитации.

Следует попытаться. Распределяю ремонтных «пауков» по поврежденным секциям.

Конечно же, меня интересует развитие событий на поверхности, как там наши справляются без меня.

* * *

– Пойду разомну ноги... Если что – зовите.

Полковник Страйкер отключился от ВР, выпрямил спину и потер уставшие глаза. Посадки шли согласно плану, делать ему практически было нечего, разве что дублировать младших командиров. Ему нужен был перерыв. Ему нужен был... Нет.

Никто из остальных не оторвался от кольцевого дивана в центре помещения. На их напряженных лицах мелькали зеленоватые отблески представляемой им машинной имитации боевой обстановки.

Приглушенное освещение зала не мешало восприятию картины бескрайнего космоса, отображаемой на стенах, плавно переходивших в купол. Страйкер спустился через люк по трапу, ведущему в служебные и личные помещения. Пространством внутри командной капсулы дорожили, места было в обрез. Узкие койки, никаких отдельных кают даже для старших офицеров, тесный отсек для переодевания и для других личных нужд.

Он нажал рукой на замок дверцы, распознавшей узор на его ладони и послушно ушедшей в сторону. Внутри, в нагрудном кармане запасной формы, ждал его пакетик вождельных таблеток.

Он взял одну и подержал ее в ладони. Прекрасный синий цвет, глубокий, чистый. Положив таблетку в рот, Страйкер медленно разжевывал ее, наслаждаясь теплом, заструившимся по языку и челюстям в виски и в лоб.

Хорошо...

Ему нужен был заряд, чтобы пройти через следующий этап...

Нет, не так. Не нужен, не крайне необходим. Просто синие таблетки помогали ему быть наблюдательнее, собраннее. Сохранять ясную голову.

И не думать о том, о чем он не хотел вспоминать. Это было для него важнее всего.

Он зашел в туалет и вернулся на главную палубу. Там он получил чашку кофе и, сделав несколько шагов по толстому белому ковру, остановился. Их летающее блюдце было наклонено к Церну ребром, внизу и впереди простиралась захватывающая дух картина. Белые облака, оттененные охрой и коричневым, глубокая синева моря. Капсула сошла с орбиты и с помощью генераторов антигравитации сравняла скорость со скоростью вращения Церпл.

Слева от Страйкера висел окаймленный тонкими кольцами тяжелый диск Диса. Его ночная сторона тускло светилась внутренним теплом планеты, расчерченной параллельными красноватыми, бурыми, оранжевыми полосами. Край Диса украшали тонкой линией яркие бриллиантовые близнецы Саллосы. Спутники Диса висели крохотными серпами вокруг газового гиганта, по-разному освещенные парой белых солнц.

Другие корабли Конфедерации, не выделяемые более чуткой аппаратурой ВР, затерялись в этом просторе. Даже следы боевой активности были едва заметны на поверхности планеты. Тут и там он мог различить слабые потеки, оттененные первым светом зари, – облака пепла над пожарищами. На ночной стороне – светящиеся булабочные головки извергающихся вулканов... или, возможно, горящих городов – погребальные костры чернской цивилизации. Он ощущал почти физическую боль, представляя себе масштаб разрушений.

При уничтожении военных объектов, находящихся в городах, средства поражения выбирались таким образом, чтобы нанести как можно меньше ущерба находящимся там гражданским сооружениям. Никто не ожидал, что враг применит против Десантных средств ядерные боеприпасы. Заряды мощностью от долей килотонны до нескольких мегатонн уничтожили все на огромных территориях.

Масштабы разрушений показывали, насколько отчаянно цеплялся враг за Церн. Порабощенное население, зажатое в тисках конфронтации, расплачивалось за чужую вражду.

Всегда, во всех войнах повторяется одно и то же, снова и снова...

Поверхность Церна изрыта древними кратерами и их следами. Ее пересекают горные цепи, бессистемно разбросаны кольцевые озера. Пояс округлых морей протянулся от полюса к полюсу, и одно из них, Море Штормов, стало источником адской бури, терзавшей этот мир. Они парили как раз над этим тысячекилометровым круглым резервуаром, и Страй-кер думал о Боло, которым предстояло проложить путь в горящие города, расположенные на северовосточном побережье.

«Чтобы спасти деревню, следует ее уничтожить». Изречение древнейшей военной истории, прозвучавшее так давно, что не сохранилось упоминаний о битве, в которой оно прозвучало. Но афоризм все еще актуален в некоторых военных традициях. Сколько человеческих рабов погибло на Церне во время предварительной орбитальной бомбардировки, сколько от ядерных зарядов, примененных их хозяевами для отражения первой волны десанта? И сколько еще погибнет, прежде чем базы Этрикса и бастионы планетной обороны будут нейтрализованы и перейдут под контроль Конфедерации? Масштаб использования врагом ядерных боезапасов демонстрировал его самоубийственный фанатизм.

– Опять на Аристотеле? – оторвал его от нелегких мыслей тихий вопрос Карлы Рамирес.

Глава 5

Страйкер вздрогнул. Карла тоже покинула командный диван и стояла за ним с чашкой в руке.

– Пожалуй, можно сказать и так, – признал он. – ! С этой точки зрения наше наступление выглядит совсем по-другому.

– На войну не может быть хорошего угла зрения.

– Мы воюем за правое дело. – Страйкер пытался убедить не только своего заместителя, но и себя. Он чувствовал правоту того, чего они пытались достичь. – Сотни миллионов людей в рабстве здесь, под нами...

– И сколько миллионов из них мы угрожим, что-бы освободить остальных?

– Я не хотел бы слышать таких высказываний, Карла.

– Извини. Просто я об этом уже какое-то время думаю.

– Я тоже...

Он не мог забыть кровопролития на Аристотеле. Он был младшим штабным офицером сил обороны планеты на линейном крейсере «Александр». Аристотель не был воинственным миром. Один из самых богатых и процветающих из Тысячи Миров Конфедерации неохотно ввязывался в галактическую политику. Большинство его жителей – эвдемоняне, ставившие во главу угла максимальное удовольствие для максимально возможного числа индивидов. Наибольшее благо для наибольшего круга.

Двадцать лет назад Конфедерация пережила краткую, но жестокую отрывку войны, Керелианское вторжение. Керелианский пиратский флот напал на систему Аристотеля.

Сказать, что нападение было громом среди ясного неба, – значит исказить действительность. Аристотель удален от космических магистралей, лежит в ста парсеках от Данфортского Скопления, где чаще всего случаются вооруженные конфликты. Керелианские рейдеры начали с метеоритной бомбардировки, разрушая города, космопорты, военные базы. Затем была проведена серия ядерных ударов. После этого с задымленных небес спустились десантные суда, выпуская из трюмов пиратов-керелийцев и их наймитов-людей. Начались убийства, грабежи, бесчинства подонков.

«Александр» в это время выполнял боевое патрулирование вместе с 453-м Флотом Конфедерации. Страйкер увидел, во что превращен его родной мир, лишь через два месяца после вторжения. Его родители, жена и дочь погибли. Во всяком случае он на это надеялся. Тел не нашли, и оставалась возможность того, что бандиты забрали их с собой.

Карла Рамирес пережила тот рейд на Аристотеле. Восемилетняя девочка спаслась от бомбежек в заброшенном бункере, затем пробралась в развалины библиотеки в лесу под Новыми Афинами, уклоняясь от патрулей и шаек работоторговцев, от роботов-охотников и пьяных грабителей.

Она тоже потеряла всю семью.

Население Аристотеля до налета насчитывало около полумиллиарда человек. Двадцать процентов – около ста миллионов – погибло в пылающих городах. Еще двести миллионов, может быть больше, никто точно не узнает теперь, умерли в последующие месяцы от голода, болезней, радиации и лишений, принесенных жестокой зимой южного полушария. Слой пепла над планетой говорил о том, что зима затянется на долгие годы, не исключая наступления периода оледенения.

Десятки тысяч жителей Аристотеля бежали в другие миры... Счастливики. Богатые. Несколько миллионов присоединились к Вооруженным Силам Конфедерации, а их друзья и семьи посвятили себя трудной и долгосрочной задаче возрождения Аристотеля.

Бомбардировка Аристотеля оказалась серьезным вызовом доктрине эвдемонизма. Как можно получать от жизни радость, когда твоя родина превращена в ледяную пустыню с вымирающими лесами и населением?

Двадцать лет спустя во Флоте Конфедерации еще служил определенный контингент аристотельцев с живой памятью о происшедшем. Они держались друг друга, часто служили вместе, образуя маленькие замкнутые группы, и считали себя элитой. В каком-то смысле так оно и было, потому что мало кто, кроме них, в армии Конфедерации видел войну. За последние пятьдесят лет Керелианский рейд был единственной военной операцией в пространстве Конфедерации, почти все ветераны тех дней уже ушли на покой. Для большинства аристотельцев армия была теперь единственным домом. Остальной военный персонал Конфедерации несколько сторонился их, как бы боясь заразиться их фанатизмом... или их невезением. Пережившие нашествие считали, что знают цену войне и ее ужасам. От доктрины эвдемонизма они не отказались, но пересмотрели ее после пережитого ужаса и крови.

Наибольшее благо для наибольшего круга теперь означало смерть врагов, а значит, хорошо проработанный и безупречно выполненный план боя, кампании, войны.

Их паролем, фразой, по которой они узнавали ДРУГ Друга, стало произносимое вполголоса «Больше никогда!».

– Как мы можем? – тихо спросила Карла.

Он понял, что она имела в виду. Как могут выжившие на Аристотеле применять ту же тактику, которую бандиты применили для разрушения их мира.

– Не мы начали эту войну, – сказал он. – Так же, как не мы виноваты в Керелианском конфликте. Не мы использовали ядерные заряды против городов. Это не наша вина!

С ужасом он осознал, что мысли его забрели на запрещенную территорию. Черт возьми, этого только не хватало! Он только что принял эйф и должен был ощущать подъем, синее пение в крови, прилив силы, а не рыться в черном кровавом прошлом.

Он всегда боялся этого момента, чувствуя его приближение. Может быть, лучше было бы уйти в отставку, как сделали некоторые из друзей на Примусе.

Нет. Он одолеет это. Кулак его сжался.

«Я справлюсь!»

Вместе с Карлой он смотрел на горящие города у кромки чернской ночи. Он обнял ее за талию и притянул к себе. Они уже некоторое время были любовниками и при случае встречались без свидетелей. Это продолжалось уже около года, с той поры, как ее перевели в 4-й.

И после долгого молчания он услышал ее шепот:

– Больше никогда.

Прошло 14 минут 27,503 секунды с тех пор, как я направил роботов на ремонт установок антигравитации, целая вечность с точки зрения искусственного интеллекта. В течение всего этого времени я контролирую работу роботов через их сенсорику.

На мне установлены проекторы антигравитации Джeneral Психотроникс модели 78с, каждый с номинальной подъемной силой 4000 тонн. 6 из 12 систем восстановлены полностью. В них заменены силовые шины и схемотехника управления. Остальные 6 на месте отремонтированы быть не могут. Требуется заводской ремонт.

Итак, у меня 6 проекторов АГ с общей подъемной силой в 24 000 тонн. Моя масса 32 000 тонн, плюс еще 1000 тонн груза, расходных материалов и дополнительной автоматики. Даже в чернском 0,74G я тяну на 24 500 тонн. Я не смогу не только взлететь, но даже всплыть.

Следует рассмотреть другие разделы общей физики, применимые в данной ситуации. Я располагаю буксирным тросом с роботами развертывания, но длина его лишь 500 метров, и ни до какой опорной точки я им не дотянусь.

Рассмотрим ходовую часть.

У меня 12 наборов гусениц с двойной подвеской в 6 узлах, по 3 с каждого борта. Каждая шириной 4 метра плюс полуметровые фланцы для уменьшения давления на поверхность и повышения сцепления с ней. Гусеницы не могут вынести меня из 20-метрового слоя осадков, но могут помочь иным способом. Привожу в движение гусеницы. Одновременно включаю все действующие АГ-проекторы. Вода надо мной сразу же теряет всякую прозрачность, ил вздымается облаками. Увеличиваю мощность. На ровной местности на суше я развивал бы сейчас 60 километров в час. Здесь, под водой и в осадочном слое, все мое перемещение сводится к ничтожно малому рывку вперед и легкому подъему носа. Этот «бег на месте» привел лишь к значительному нагреву ходовой части.

Увеличиваю обороты на 10 процентов. АГ-проекторы уменьшают массу приблизительно до 500 тонн. Ближе к желаемому, но...

Если моя масса в гравитации Церна несколько больше 24 000 тонн, то инертная масса все же остается свыше 32 000 тонн. Антигравитация может нейтрализовать большую часть моего веса, но полная масса остается со мной. Главная проблема – сдвинуть эту массу с места.

Я еще на 5 процентов увеличиваю обороты. Подвеска и все движущиеся части нагреваются. Вода, конечно, эффективный охлаждающий элемент, но вязкий ил не только не дает двигаться, но и замедляет циркуляцию воды.

Меняю тактику, включаю реверс. Затем опять вперед. И снова назад. Так я пытаюсь раскачаться. Бесполезно.

Есть еще один вариант, но он опасен. Просчитываю его для разных наборов исходных данных, чтобы быть уверенным, что не выведу себя из строя.

Ориентирую ствол главного калибра передней башни строго вперед, поднимаю его на 45 градусов вверх и стреляю.

Эффект мгновенный и существенный. «Хеллборы» используют магнитную индукцию для ускорения до релятивистских скоростей осколков твердого криоводорода в вакуумных каналах, создаваемых мощными лазерными импульсами. Ускорение достаточно для инициации в криоводороде реакции синтеза. Высвобождаемая при этом кинетическая энергия достигает 2 мегатонн за секунду.

Проникающая сила лазерного луча резко ограничивается водой. Поэтому энергия начинает интенсивно поглощаться окружающей средой еще до выхода луча на поверхность. Криоводородная игла достигает температуры и давления синтеза почти сразу за дулом «Хеллбора» и начинает интенсивно отдавать тепло в воду впереди и над моим корпусом.

В результате происходит мощный взрыв, который создает область вакуума, окруженную быстро увеличивающимся пузырем из перегретого пара и плазмы воды. Меня охватывает ударная волна такая же разрушительная, как и при пережитых ядерных взрывах.

Результат следует сразу. Лопающийся впереди и надо мной вакуумный пузырь втягивает в себя громадное количество воды и ила. Открывшийся в атмосферу край пузыря швыряет в небо громадный огненный шар плазмы синтеза. Образуется грибовидное облако. Взрыв вверх, это облако усиливает интенсивность потока перегретого пара и воды, стремящегося вперед мимо моего корпуса.

Кроме того, ударная волна ударяется о морское дно под моими гусеницами. Действия отдачи этого удара достаточно, чтобы бросить меня вперед и вверх, то есть привести в движение.

Верхняя палуба и башни главного калибра прорывают поверхность воды и попадают в огненное облако. В какой-то момент наружные сенсоры регистрируют температуру 970 градусов, опасную даже для дюраля, если она продержится хотя бы несколько минут.

Увеличиваю скорость, буквально плыву намного выше глубины, на которой начинается ил. С моими далекими от плавных обводами корпуса далеко не уплывешь, но я генерирую достаточно подъемной силы, чтобы избежать худшего, чтобы снова не погрузиться в ил, кото-

рый сейчас, правда, взметен со дна выстрелом «Хеллбора». Конечно, много нужно энергии, чтобы привести мою массу в движение, но зато эту массу трудно и остановить.

Однако неумолимо действует сила трения, я снова наминаю погружаться.

ИНТЕРЛЮДИЯ 1

Боло десантировались на опустошенный ландшафт обитаемого пояса Церна. 4-й полк высаживался в округ, названный разведкой Кантурас, 3-му полку достался Во-ртан, к северо-западу от полуострова Кре-тир. Оба Боло 1-го батальона этого полка благополучно вышли из десантных контейнеров неподалеку от командного центра и базы Флота в Отелиде. Так же без происшествий выгрузились Боло 2-го батальона, один в Гроне, другой в Едетельфене. Один из Боло 3-го батальона, однако, был сбит на высоте около сорока километров пятимегаграммовым зарядом, почти прямым попаданием.

Второй Боло 3-го батальона смог избавиться от обломков своего поврежденного контейнера и совершил вынужденную посадку в Этиреатское море. Так как плановой целью 3-го батальона был гарнизон Вледа, то уцелевшему Боло предстояла большая работа.

В небесах, освещенных пожарами городов и затянутых облаками дыма, тяжело неслись к поверхности дельтовидные грузовые десантные контейнеры, пролетая над лесами, нагромождениями базальтовых скал и разъеденными эрозией пустошами. Ближе к поверхности они, как правило, уже не подвергались обстрелу, здесь сам низкий горизонт служил укрытием.

Замедляясь при помощи широко раскрытых закрылков и проекторов антигравитации, десантные контейнеры искали подходящие посадочные площадки, врезались в грунт, с лязгом и скрежетом останавливались через десятки метров, оставив борозды, царапины и шрамы на поверхности планеты и на своих плоскостях и корпусах.

Откидывались панели бортов, убиралась внутренняя броня, появлялись угловатые черно-серые боевые единицы. С грохотом размыкались контакты, свистели в воздухе освобожденные от натяжения стропы. Включив двигатели, Боло сходили с поддонов контейнеров, вгрызались гусеницами в израненную почву Церна.

Суровая планета Церн была изрыта почти круглыми морями и озерами, свидетелями метеорных бомбардировок времен ранней юности мира-спутника. Между разбросанными по обитаемому поясу городами простирались леса, горы и бесплодные земли. Люди редко обитали вне густозаселенных районов с возделанными полями и фермами, окружавшими большие города. Промышленные предприятия, не только горнодобывающие, находились в глубоких шахтах, где можно было использовать термическую энергию ядра. Существовало несколько старинных дорог и подземных магнитных транспортных труб, но в основном использовался воздушный и морской транспорт. Обширные пустынные участки местности были одним из препятствий, с которыми столкнулись штабы вторжения. Вторым была развитая подземная инфраструктура. Лишь размер, скорость и мощь Боло делали вероятным захват планеты.

Речь шла именно о захвате, а не о разрушении. Главной задачей вторжения провозглашалось освобождение порабощенного населения, хотя критики военных планов и противники войны всех мастей придерживались мнения, что природные богатства Церна, изобилие в его коре тяжелых металлов больше интересовали руководство Конфедерации, чем свобода или рабство нескольких сотен миллионов людей.

В любом случае следовало захватить планету и нейтрализовать Этрикс, достаточных сведений о которых все еще не было. Предполагалось, что большинство Трикси и основная их военная мощь скрываются в коре Церна. Достать их орбитальными бомбардировками было невозможно. Но первым шагом в завоевании Церна считался захват городов и поверхности планеты. Достижение этой цели давало силам Конфедерации свободу передвижения по планете и возможность запереть противника в глубине, чтобы устранить его позже.

Зоны десантирования выбирались тщательно. При подборе старались совместить два основных параметра: пустынность, необитаемость места посадки и его близость к одному из

важных объектов, обычно расположенных в крупных городах или поблизости от них. Не всегда это оказывалось достижимым.

Например, «Непобедимый» из 1-го батальона 4-го полка промахнулся мимо своей зоны посадки и опустился почти на южный край бастиона Доленди. Бастион, наполовину разрушенный полудюжиной прямых попаданий «Хеллборов» из космоса, встретил Боло шквальным огнем малых калибров. Еще до касания поверхности десантный контейнер получил множество попаданий, начиная пулями личного оружия и кончая зарядами 100-сантиметровых плазменных пушек дистанционно управляемых бронемашин. Интенсивность огня лишь усилилась, когда десантный контейнер открылся и освободил «Непобедимого».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.